Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Обзор / Summary
УДК: 821.161.1.0
ББК: 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-241-314
https://elibrary.ru/OONKVG

© 2023. Татьяна Касаткина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Обзор II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля – 2 марта 2023 года)

© 2023. Tatiana A. Kasatkina

A A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary of the 2nd International Online Conference “*Crime and Punishment*: Current State of Research” (Moscow, February 28 – March 2, 2023)

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: Обзор составлен из тезисов и резюме, предоставленных участниками II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения». Конференция проведена в рамках работы над очередным выпуском серии «Произведения Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения», посвященным «Преступлению и наказанию». Доклады конференции посвящены герменевтике текста, историческим и культурным аллюзиям в тексте, исследованию роли книг, упомянутых в романе, проблемам перевода Достоевского на другие национальные языки и языки культуры, отражениям романа в позднейшей литературе, способам преподавания произведения в школе и вузе. Обзор позволяет получить представление о новейших тенденциях в изучении и преподавании «Преступления и наказания».

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», переводы романа, методика преподавания, образная система, герменевтика текста, исторический комментарий, юридический комментарий, концепт «новое», мотив избиения лошади, петербургский текст, постановки и экранизации, экспозиция музея, «Физиология» Д.Г. Льюиса, Наполеон, Данте, Шиллер, Байрон, Гюго, Тургенев, Бунин, Моэм, Нароков, Мамлеев.

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* Обзор II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля – 2 марта 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 241–314. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-241-314

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: The summary is compiled from the abstracts and summaries provided by the participants of the 2nd International Online Conference “*Crime and Punishment*: Current State of Research.” The conference is part of the work on the next issue of the series *Dostoevsky’s Works: Current State of Research* that will be dedicated to *Crime and Punishment*. The conference reports are devoted to the hermeneutics of the text, the historical and cultural allusions in the text, the role of the books mentioned in the novel, the problems of translation of Dostoevsky into different national and cultural languages, the novel’s reflections in literature, the ways of teaching the work at school and university. The summary provides an account of the latest trends in the study and teaching of *Crime and Punishment*.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, translations of the novel, teaching methodology, system of images, hermeneutics of the text, historical commentary, legal commentary, the concept of “new”, the motif of horse-beating, St. Petersburg text, theatrical and cinematographic adaptations, museum exposition, George Henry Lewes’ *Physiology*, Napoleon, Dante, Schiller, Byron, Hugo, Turgenev, Bunin, Maugham, Narokov, Mumleyev.

For citation: Kasatkina, T.A. “Summary of the 2nd International Online Conference ‘*Crime and Punishment*: Current State of Research’ (Moscow, February 28 – March 2, 2023).” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 241–314. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-241-314

В настоящем обзоре мы публикуем тезисы и резюме докладов участников[1] **II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения»**, прошедшей 28 февраля – 2 марта 2023 года под грифом Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Комиссии по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН, организованной Научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН. Это уже третья конференция, проведенная Центром в рамках работы над очередным выпуском серии «Произведения Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения», посвященным «Преступлению и наказанию». Обзор четвертой конференции, XXV Международных чтений «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века», проведенной Центром совместно со старорусским Домом-музеем Ф.М. Достоевского 19–21 апреля 2023 года в городе Старая Русса, опубликован в этом же номере [Подосокорский, 2023a].

В конференции приняли участие ученые из России, Китая, США, Италии, Испании, Сербии, Узбекистана, а также (без докладов) — Японии и Турции. С теплым и глубоким приветственным словом к участникам обратилась заместитель директора ИМЛИ РАН, д.ф.н. Юлия Вадимовна Шевчук. Настоящий обзор позволяет получить представление о новейших тенденциях в изучении романа, входящего в обязательную или рекомендательную программу по литературе в школах и вузах многих стран, о новых методиках преподавания «Преступления и наказания».

Хочу заметить, что опубликованные в тематическом блоке «Преподавание романа “Преступление и наказание” в школе и вузе» планы уроков и общие схемы преподавания романа «Преступление и наказание», предложенные методики преподавания ни в коем случае не являются рекомендованными к повторению и простому воспроизведению. Все они обсуждались на конференции, указывалось и на их сильные, и на их слабые стороны, это обсуждение можно послушать по предлагающимся далее ссылкам (некоторые из авторов тематического блока даже взяли идеи обсуждения для своих

[1] Мы также публикуем тезисы доклада Елены Владимировны Степанян и двух докладов Светланы Владимировны Капустиной, подготовивших их по очень интересным и важным для обсуждения темам, но, ко всеобщему сожалению, в самый последний момент не смогших принять участие в конференции.

окончательных тезисов или резюме). Смысл публикации — в том, чтобы показать варианты уже предложенных методологических и методических решений, какие-то из которых могут, в сочетании с представлением учителя о конкретном классе, навести его на идеи, годные и рабочие именно для этого класса/студенческой группы. В потенциальных читателях этого обзора — и особенно тематического блока о преподавании романа — мы видим сомысленников и собеседников — и будем рады и благодарны за ваши отклики и описания ваших методик и поурочных планов — чтобы собрать их в издании «Роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”: современное состояние изучения» на пользу всем преподающим и будущим в дальнейшем преподавать этот роман в школе и вузе. Ваши тексты можно присылать на адрес журнала: fedor@dostmirkult.ru, — со сведениями о себе по схеме, используемой в этом обзоре.

Программу конференции можно посмотреть здесь: https://imli.ru/133-seminary-i-konferentsii-2023/5255-mezhdunarodnaya-nauchnaya-onlajn-konferentsiya-prestuplenie-i-nakazanie-sovremennoe-sostoyanie-izucheniya. Полнотекстовые записи конференции, включающие подробное обсуждение сделанных докладов (обсуждение, не менее интересное, чем сами доклады), выложены здесь:

1 день:
https://www.youtube.com/watch?v=azTgFc7VHMk&t=18608s;
2 день:
https://www.youtube.com/watch?v=EhXq33ppPoU;
3 день:
https://www.youtube.com/watch?v=K1aDvctgbtc

Тезисы и резюме докладов

Слов *божественная высь* (О двух словах в переводах романа «Преступление и наказание»). *Татьяна Александровна Боборыкина* (кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель Факультета Свободных Искусств и Наук Санкт-Петербургского Государственного Университета (СПбГУ), Санкт-Петербург. https://orcid.org/0000-0002-8661-3435, E-mail: t.boborykina@spbu.ru).

В докладе ставится вопрос о сложностях перевода русской классической литературы на английский язык. Порой даже одно неверно переведенное слово может полностью изменить если не сюжетный,

то глубинный, философский смысл всего произведения. Незамеченные двойные смыслы слов — буквальный и иносказательный, и оставленные без внимания связки подобных слов в пространстве текста — все это может привести в конечном итоге к упрощению самого произведения, сужению его измерений и масштаба в восприятии иноязычных читателей, не владеющих языком оригинала. На примере сопоставительного анализа ряда переводов всего лишь двух слов из романа «Преступление и наказание» Достоевского становится очевидно, насколько сложна и ответственна работа переводчика художественного текста, тем более текста, слова которого устремляются в «божественную высь» своих означаемых, своих скрытых смыслов[2].

«Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании». *Татьяна Александровна Касаткина* (доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва. https://orcid.org/0000-0002-0875-067X, E-mail: t-kasatkina@yandex.ru).

При самом первом представлении Сони в романе читателю сообщают об одном историческом лице и одной книге, которыми определяется образование (даже более того — Мармеладов употребляет слово «просвещение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16]), ею полученное.

Лицо, знакомством с которым завершилось ее образование в сфере истории и географии, — Кир Персидский («На Кире Персидском остановились» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16]).

Начиная с Библии, любое историческое сочинение о Кире Персидском неизменно сообщало о свободе, дарованной им находившимся в пленении евреям: они были освобождены из рабства, им позволено было возвратиться в обетованную землю и восстановить Храм.

«А в первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова Господня, сказанного устами Иеремии, возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он велел объявить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать: так говорит Кир, царь Персидский:

---

2 На основании доклада опубликована статья: [Боборыкина, 2023].

все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас — из всего народа Его, [да будет] Господь Бог его с ним, и пусть он туда идет» (2Пар. 36:22–23).

«Который говорит о Кире: пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: “ты будешь построен!” и храму: “ты будешь основан!”» (Ис. 44:28).

«Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред тобою и горы уровняю, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. <…>

Я воздвиг его в правде и уровняю все пути его. Он построит город Мой и отпустит пленных Моих, не за выкуп и не за дары, говорит Господь Саваоф.

Так говорит Господь: труды Египтян и торговля Ефиоплян, и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог, и нет иного Бога» (Ис. 45, 1–14).

Книга, завершившая образование Сони, — «Физиология» Льюиса, принесенная ей Лебезятниковым.

Если знакомство с историей Кира Персидского довольно очевидно было вестью Соне о том, что и для нее открыт исход из рабства греху других, что и ей уготовано восстановление разрушенного Храма (храма тела ее), а одновременно история Кира должна была стать для нее и противоядием от теории Раскольникова (ибо история Кира представляет наглядно, что «законодатели и установители» человечества тогда преуспевали, когда не разрушали, но восстанавливали, «исполняли» древний и свято чтимый закон — и в конце концов исчезали как пыль, если пытались его разрушить), — то и «Физиология» Льюиса, упомянутая в тексте наравне с Киром Персидским, поставленная с ним в один ряд и выделенная вместе с ним из ряда того неупомянутого, что еще вошло в кругозор Сони, должна оказаться сюжетно и философски значимой для героини.

Значению «Физиологии» Льюиса для мировоззрения героини и будет посвящен доклад.

«Еженедельная речь» и «Периодическая речь» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Оксана Александровна Воробьева* (кандидат филологических наук, старший преподаватель Факультета гуманитарных наук и Школы филологических наук НИУ ВШЭ, Москва. E-mail: oxalvo@gmail.com).

В романе «Преступление и наказание» есть эпизод, в котором Порфирий Петрович говорит Раскольникову о том, что читал его статью «О преступлении...» в «Периодической речи», на что Раскольников с удивлением реагирует, утверждая, что статью он отдавал в газету «Еженедельная речь». В комментариях к ПСС в 30 тт. и 15 тт. высказывается мысль о том, что Достоевский, вероятно, подразумевал газету «Русская речь», которая перестала существовать в 1861 году, и соединилась с «Московским вестником». Учитывая расхождения с возможными газетными прототипами, мы считаем, что апелляции писателя к конкретной истории из издательского мира давностью в несколько лет, скорее, не было. И что с большей вероятностью, подчеркнутая периодичность имела исключительно смысловую нагрузку, а не прототипическую.

«Московский вестник», как и «Русская речь», были еженедельными газетами. До того, как издательница «Русской речи» Евгения Тур передала права на свою газету редактору Е.М. Феоктистову, газета выходила дважды в неделю. Мы думаем, что выход один раз или два раза в неделю — это не столь серьезная смена периодичности, важность которой, как нам кажется, хотел подчеркнуть Достоевский в романе.

Кроме того, события «Преступления и наказания» развиваются в 1865 году. Об этом Достоевский писал Каткову в сентябре 1865 года из Висбадена: «Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях поддавшись некоторым странным “недоконченным” идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 136]. Если бы для Достоевского печатный орган был бы важен как сюжетный элемент и он хотел бы сделать отсылку к конкретному изданию, то смеем предположить, что размышления о преступлении в 1865 году его герой Раскольников отдал бы далеко не в газету «Московский вестник», который, по мнению исследователей, превратился в бесцветную московскую и провинциальную хронику,

и не в «Русскую речь» — газету без специального направления. Вероятнее всего, студент периода 1865 года питал бы амбиции опубликовать свое размышление в изданиях, подобным «Современнику» или «Русскому слову», с четко оформленным направлением.

На наш взгляд, периодичность, заявленная в названиях редакций, важна была писателю для того, чтобы показать уязвимое положение, в котором неожиданно для самого себя оказался Раскольников. Его материал, опубликованный в еженедельнике, мог бы вовсе не привлечь к себе внимания: номера, выходящие каждую неделю, а тем более газетные, быстро меняют повестку и теряют актуальность, но издание периодическое (скорее всего, это был журнал) — это уже не «fast story»; предлагаемая в периодическом журнале информация требует к себе большего внимания со стороны читателей: вдумчивого и размеренного чтения, широкого обсуждения, заинтересованности автором/псевдонимом и т.д., чего, вероятно, и испугался Раскольников, вопрошая: «Моя статья? В “Периодической речи”? <...> но я снес ее тогда в газету “Еженедельная речь”, а не в “Периодическую”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198]. Благодаря обозначенной периодичности издания Достоевский подчеркивает неизбежность раскрытия автора не только статьи, но и его преступления.

Тема *нового*, раскрываемая через образ явления солнца: от ранних текстов Ф.М. Достоевского к «Преступлению и наказанию». *Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева* (научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва. https://orcid.org/0000-0001-7521-1898, E-mail: vutka@yandex.ru).

Мотивы, связанные с явлением солнца в произведениях Ф.М. Достоевского, не раз становились предметом интереса исследователей. Однако, насколько можно судить, тема *солнца* не исследовалась в ее связи с темой *нового*, которая также является одной из центральных в творчестве Достоевского. В зрелом творчестве связь этих двух мотивов менее очевидна, однако в ранних произведениях она была прямо прописана Достоевским. «Расхождение» этих двух мотивов в зрелом творчестве, с одной стороны, может свидетельствовать об эволюции их смыслов, а с другой — об их очевидной для автора генетической связи, которую читателю необходимо

восстанавливать самостоятельно для более глубоко понимания символического уровня произведения.

Наиболее прямо концепт нового сопоставлен с явлением солнца в фельетонах «Петербургская летопись» 1847 года. Настоящей *новостью* в них называется появление весеннего *солнца* в Петербурге, которое преображает жизнь горожан, излечивает их от болезней и хандры, а главное — позволяет, покинув город, в котором они разделились на кружки и чахнут в уединении, попробовать пожить совсем другой жизнью. Примечательно описание человека, владеющего новостью: «Он <...> разом освобождается от всех своих неприятностей; даже (по наблюдениям) излечивается от самых закоренелых болезней, даже с удовольствием прощает врагам своим. Он пресмирен и велик» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 19]. Несмотря на ироничный тон автора, перед нами описание преображающегося благодаря новости человека. Открываемая солнцем возможность перемены места обуславливает возможность перерождения человека.

В «Хозяйке», которая создавалась в одно время с фельетонами, *новость положения* героя сопоставлена с прозой, что с латинского переводится как прямое движение (Prorsa была богиней прямых родов у римлян). Это движение открывается Ордынову, как только он покинул свою старую квартиру и отправился на поиски новой, в результате которых оказался жильцом Катерины. Ордынов будет называть новую хозяйку солнцем, а Достоевский опишет их встречу, как устремление цветка после бури к солнцу для обновленной жизни. В этом произведении Достоевским в художественных образах описывается необходимость перемены места и встречи с другим как солнцем для преображения замкнувшегося ото всех человека.

Символическая связь темы нового и образа солнца будет использоваться Достоевским в художественном творчестве и после каторги. Роман «Униженные и оскорбленные» в начале сюжетно схож с «Хозяйкой» — главный герой отправляется на поиски новой квартиры, в результате которых оказывается вовлечен в «мистическую» историю. Иван сообщает, что, несмотря на явное недомогание, он все же вышел на улицу и после целого дня поисков к вечеру чувствовал себя совершенно больным. Однако внезапно он пишет: «Я люблю мартовское солнце в Петербурге, особенно закат, разумеется, в ясный, морозный вечер. Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг засверкают. Серые, желтые и грязно-зеленые цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость;

как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь или кто-то подтолкнет тебя локтем. **Новый взгляд, новые мысли**... Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 169]. Луч солнца, «работая» с душой человека, меняет на **новые** его взгляд и мысли. Сразу после этого обновления Иван начинает предчувствовать, что должно случиться «что-то необыкновенное» — в ту же минуту ему встречается старик с собакой. Благодаря этой *мистической* встрече Ваня находит квартиру. Примечательно, что луч появится в романе еще только один раз — в день переезда на новую квартиру. Оказавшись в ней в качестве жильца, Иван подавлен убогой обстановкой, а пасмурная погода только усугубляет тоску. Но вдруг опять проглядывает солнце: «Только к вечеру на одно мгновение проглянуло солнце и какой-то заблудший луч, верно из любопытства, заглянул и в мою комнату» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 207]. После этого Ивана охватывает мистический ужас (слово мистический также употреблено во всем романе только два раза, и оба раза это связано с появлением солнечного луча), и на пороге возникает Нелли. Появление луча, как носителя нового состояния маркирует раскрытие мистического плана бытия, в котором Иван встречается с Нелли. Именно она окажется ангелом (так ее назовет сам рассказчик), отдавшим свою жизнь, чтобы склеить разбитые чужие. Солнце открывает для человека возможность перехода на новый уровень бытия, важным свойством которого является возникающая общность людей. В «Униженных оскорбленных» внутренняя связанность всех героев особенно заметна как за счет открывающихся родственных связей, так и за счет дублирования жизненных историй разных людей. Иван отзывается на призыв другого мира и в лице Нелли получает средство восстановления разорванных связей.

В «Преступлении и наказании» тема *нового* и *солнца* как будто не связаны между собой. Мотив нового присутствует в романе в двух вариантах — новое слово в теории Раскольникова и новый преображенный мир в эпилоге. Новое слово – это то, что приходит на смену старому и уничтожает его — историческое время — вечная война. Новое в эпилоге — это принципиальная остановка времени, из-за чего отпадает необходимость уничтожения старого, так как все времена происходят одновременно. Но оказывается, чтобы попасть в этот новый мир, необходимо не (как это было в раннем творчестве) идти за солнцем, чтобы переменить место или открыть свое

замкнувшееся сердце, но самому стать солнцем, только в этом случае время прекратит свой ход, уступив место вечности. «Не во времени дело, а в вас самом. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352], — скажет Раскольникову Порфирий Петрович. Через осмысление темы нового как временн**о**го/вневременного явления устанавливается его связь с темой солнца. Правота следователя подтверждается на опыте Раскольникова — после преображения / метанойи главного героя романа его сокамерники, еще недавно пытавшиеся в слепой злобе убить его, увидят и признают в нем человека.

Наполеон-Солнце в романе «Преступление и наказание». *Николай Николаевич Подосокорский* (кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва. https://orcid.org/0000-0001-6310-1579, E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com).

Поразительно, но в романе «Преступление и наказание» (1866) в числе основных вех биографии Наполеона Бонапарта (1769–1821), жизненный путь которого пытается повторить главный герой Родион Раскольников, напрямую (о косвенных обращениях к этому событию будет сказано отдельно) никак не упоминается его победа в битве при Аустерлице, хотя именно она была наиболее ярким и безусловным символом его апофеоза. Неслучайно герой «Записок из подполья» (1864), которые исследователи считают своего рода пролегоменами к «Преступлению и наказанию», также «глядящий в Наполеоны», описывает свой наполеонизм как раз через повторение наполеоновского триумфа под Аустерлицем: «Все плачут и целуют меня (иначе что же бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 133].

Родион Раскольников, который, как и подпольный парадоксалист, способен принимать «наполеоновскую позу», скрещивая руки в характерном жесте в трагической ситуации, время от времени вспоминает и об осаде Тулона (1793), и о подавлении восстания роялистов в Париже (1795), и о египетской кампании Бонапарта (1798–1799), и о переходе через Монблан (1800), и о Московском походе (1812), и даже о битве при Ватерлоо (1815), но странным

образом игнорирует главный триумф своего кумира, прочно связанный в наполеоновской легенде с солярным мифом (о «Солнце Аустерлица» первым заявил сам Наполеон, а затем это крылатое выражение было подхвачено и осмыслено мемуаристами, историками, писателями и поэтами).

Еще во время правления Наполеона художники изображали его в образе солнца, а в 1827 году вышел знаменитый памфлет французского ученого и писателя Ж.-Б. Переса «Почему Наполеона никогда не существовало», в котором тот завуалированно высмеял популярную в то время теорию о том, что история Иисуса Христа, на самом деле, есть всего-навсего аллегория солярного мифа.

Когда в романе Достоевского следователь Порфирий Петрович призывает Раскольникова «стать солнцем», он актуализирует не только христианский, но и наполеоновский миф, давая понять герою, что тот на самом деле не осмелился стать Наполеоном, культ которого как «спасителя» и «мессии» изначально создавался в подражание Христу.

Избегание Раскольниковым темы «Солнца Аустерлица» само по себе свидетельствует о глубинном неверии героя в его идею о великих людях и в то, что он сам, действительно, может стать новым Наполеоном.

В докладе будет рассмотрено, как солнечный аспект наполеоновского мифа представлен в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского[3].

Правильно ли называть доктрину Раскольникова «наполеоновской»? *Жорди Морильяс* (PhD, профессор испанского языка в Университете Любека, Испания–Германия. E-mail: jordi.morillas@uni-luebeck.de).

Антропологическую доктрину, которую Раскольников излагает в своей статье-рецензии на недавно опубликованную книгу, мы уже поместили в историю западной мысли и проанализировали один из ее основных столпов — Мухаммеда. В этом докладе мы предлагаем остановиться на вопросе о ее «наполеонизме». В исследованиях принято считать, что доктрина Раскольникова является по сути «наполеоновской», и по этому вопросу написаны много исследований. Однако, если рассматривать ее со строго биографической, истори-

[3] На основании доклада опубликована статья: [Подосокорский, 2023].

ческой и идеологической точек зрения, действительно ли можно сказать, что описание Достоевским мыслей и поступков великого французского императора является точным отражением того, как тот думал и действовал? Если ответ на этот вопрос проблематичен, то насколько оправдано подобное определение доктрины Раскольникова? Можно ли с полной уверенностью утверждать, что исторический Наполеон узнал бы себя в словах и действиях героя романа? Или же на самом деле это повторение Достоевским мифов и предрассудков о фигуре великого европейского военно-политического деятеля, осмелившегося вторгнуться в Россию и завоевать огромные пространства ее? В данном докладе мы попытаемся ответить на эти и другие вопросы, связанные с этой ключевой темой.

Life at Stake. *Vincenzo Rizzo* (PhD in Philosophy, member and researcher of the philosophical association Prologos, Verbania, Italy. E-mail: auravince@gmail.com).

Dostoevsky published *The Gambler* and *Crime and Punishment* in 1866. In the latter we find recurring themes of the former: bet, risk, advantage, or loss. All the characters in the famous novel, implicitly or explicitly, bet: the usurer, Svidrigailov, Raskolnikov, Sonya. They wager in a radical way, putting not something on the table, but their own lives.

The theme of betting thus allows the Russian genius to focus on the question of the origin and destiny of man. Dostoevsky, unlike Blaise Pascal, who linked risk to advantage, takes a different path. Authentic risk is linked to the loss: of one’s ideological position or one’s worldly advantage. Loss, in Dostoevsky’s view, however, is not a gamble. It is not the waste of life, but the gift of self.

Furthermore, the theme of the bet allows the Russian writer to come to terms with and go beyond multiple contemporary philosophical doctrines: biologism, utilitarianism, Turgenevian smoke, anarchism. Not surprisingly, struck by the tone and content of the Peace Congress in Geneva (1867) Dostoevsky gives Ogarev a magazine with the first episodes of *Crime and Punishment*. In the famous novel he highlights the failure of ideologies. Life is not smoke, but a wound seeking healing. It does not consist in the greatest happiness for the greatest possible number of people or in the salvation of the body by amputating a part of the body. The happiness of one, in fact, opens the way for all. Indeed, Sonja’s bet wins. The young woman has bet everything with the maximum uncertainty for a single, while she is at a loss. She focused on something bigger than

herself, capable of transforming the hearts of those who adhere, of those who opt for yes to real life.

Вши и другие кровососы — паразитизм, вампиризм и антропофагия в «Преступлении и наказании». *Татьяна Вячеславовна Ковалевская* (доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва. https://orcid.org/0000-0002-0527-2289, E-mail: tkowalewska@yandex.ru).

Шокирующая тема каннибализма, обретшая свое наиболее яркое и памятное воплощение в «Идиоте» в истории Лебедева о средневековом людоеде и в его рассуждениях о сравнительных вкусовых качествах монахов и младенцев, возникает у Достоевского в фигуральной и буквальной форме на протяжении всего творчества, начиная с «Записок из Мертвого дома» и рассуждений о «заедающей» среде; она появляется в «Зимних заметках о летних впечатлениях» в беглом саркастическом упоминании «каннибальства»; антропофагия несколько раз прямо упоминается в «Дневнике писателя» и в «Братьях Карамазовых». Эта тема также фигурирует и в других произведениях Достоевского, хотя и в менее откровенной форме.

Так, в «Преступлении и наказании» она имеет вид как фигуральный (снова появляется мотив «заедания»), так и буквальный (старуха-процентщица кусает Лизавету). Студент и офицер, обсуждая возможность убийства Алены Ивановны, сравнивают ее как с вошью, так и тараканом, но именно сравнение с кровососущим насекомым станет основным в романе, что ставит дополнительный акцент не только на теме паразитирования, но и на теме людоедства и вампиризма, как переносного, так и вполне буквального.

В романе эти темы и их словесное воплощение создают сложную сеть отношений между персонажами, постоянно и настойчиво, в разных формах расчеловечивающими друг друга. Интересен здесь сам глагол «заедать», традиционно используемый в русской литературе (ср., например, Добролюбова) для обозначения отношений эксплуатации и притеснения между людьми, а в прямом смысле поедания и умерщвления применяемый только к животным.

В докладе эти темы и образы будут прослежены подробнее и будет показана как их связь с религиозно-философской антропо-

логией Достоевского, так и воплощенная в них сложная динамика отношений между людьми, определяемых не только и не столько социумом, сколько религиозно-философскими представлениями людей друг о друге и о собственной человечности и человечности окружающих.

«Вечность как идея» (метафизика Свидригайлова). *Лазарь Милентиевич* (PhD, доцент философского факультета в Университете Нови-Сада, Сербия. E-mail: milentijeviclazar@mail.ru).

В докладе рассматривается концепция вечности, представленная в образе Свидригайлова, который наравне с Раскольниковым создает философский и религиозный узел в романе «Преступление и наказание». В докладе подчеркивается, что в центре метафизической проблематики Свидригайлова находится понятие вечности, образно выражающей его в**и**дение вечно-сущего и сопряженной с «теперь» границей, относящейся к настоящему времени. Предлагается проследить возможные временно-пространственные, космологические и (анти)теологические истоки вечности Свидригайлова, которая получила выражение в образе «бани с пауками», соотносящейся со вторым пришествием Христа в исповеди Мармеладова, и Новым Иерусалимом, о котором упоминает Раскольников. Указывается на мифологическую насыщенность, а также на потустороннюю «окрашенность» образа Свидригайлова в его позиционировании по отношению к другим героям романа, в которых он вызывает особенное чувство «инаковости» и «несоотносимости» с окружающим миром, в соответствии с чем на его концепцию вечности наслаивается фон вид**е**ний и галлюцинаций, слухов и темных предысторий, импульсивных поступков и крайне «неоднозначных» будущих планов.

Мотивный комплекс «избиение лошади» в романе «Преступление и наказание». *Евгений Евгеньевич Иванов* (кандидат филологических наук, кафедра филологии и методики Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск. https://orcid.org/0000-0002-9937-4357. Researcher ID: A-2667-2019, E-mail: ayaom@list.ru).

Мотивный комплекс «Избиение лошади» соединил сюжетику, авторскую позицию и архаические контексты в одно художественное целое. Сон о «старой кляче» является программной установкой

развития идейного содержания романа, состоящего из элементов одержимости «новым словом», символизмом бессознательного и амбивалентным симбиозом сострадания и нарциссизма, характеризующим личность главного героя. Образом Раскольникова и всем ходом мысли внутреннего сюжета показано, что в какие бы бездны зазеркалья ни погружала «машина» ума, как бы человек ни старался уничтожить собственную душу — это невозможно осуществить до конца. Невинный богобоязненный «мальчик» мешает Раскольникову на всех этапах реализации его чудовищного проекта.

Сон о лошади включается в группу онирических миниатюр, его позиция в начале группы создаёт «круг исходных смыслов» (С. Аверинцев) и наделяется особым статусом в архитектонике повествования. С этого сна начинается дискурс насилия, определяемый оппозицией рацио (западный идеал) — душа (восточный ингредиент), которая раскрывается в психологической проблеме Раскольникова, — преодолеть эмоциональную слабость, мешающую хладнокровной реализации намеченной цели.

Главным препятствием к утверждению своего «эго» как «супер-эго» стоят данные от природы эмпатия, страх совершения экзистенциональной ошибки в смысложизненном выборе и страх смерти, тварная невозможность управлять миром, которая у Ф. Достоевского из положительного религиозного понятия профанируется до иронической номинации — «дрожащая тварь». Убийство старухи-процентщицы представляется как психологический эксперимент выхода из плена внешних, нуминозных сил, воздействующих через душу на поступки человека, который в глазах Раскольникова приводит к несамости. Свойственное ему сострадание жертвам вселенского зла понимается как слабость, а не как тварное сотрудничество с Создателем, олицетворяемое Соней Мармеладовой. Сема «сон» в имени его женского визави выглядит как заблуждение и иллюзия «обыкновенных», хотя в восприятии читателя именно Раскольников беспрерывно грезит наяву, окутанный обсессивным страхом (порой по незначительным, бытовым поводам): он то лихорадочно хочет встать на колени, преисполненный чувством вины, то горделиво игнорирует окружающих.

Компонент «избиение» в мотивном комплексе несёт в себе семантику «удара», который разбивает тягостную, липкую, кошмарную реальность, и выводит на метафизический уровень. Удар — это прорыв в иное, в мир смерти. Мортальная окраска сопровождает

ассамбляж избиений в романе. Бил Катерину Ивановну её умерший первый муж, сама она бьёт голодных своих детей и умирает на их глазах, избил самоубийца Свидригайлов свою жену Марфу Петровну, с которой вскоре случился удар — официальная причина смерти. Сам Раскольников подобно лошади получает удар кнутом «за то, что он чуть не попал под лошадей» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 89], то есть в качестве наказания за неосторожность, которая могла закончиться трагедией.

Важным моментом в рамках мотивного комплекса как центробежной части внутреннего сюжета является спонтанная (от души) реакция мальчика на убийство. Насилие порождает насилие, и он без всякого шанса на успех в протестном порыве бросается со «своими кулачонками на Миколку». Образ Миколы в дальнейшем развитии внутреннего сюжета трансформируется в полярный образ смиренного Миколая, который приносит себя в жертву, канализируя негатив, вызванный несправедливостью, царящей на каждом шагу, в поступок, спасающий мир и душу.

В сне о смеющейся старухе удар выражает идею тщетности человека в его амбиции («право имею») нести смерть как божественной компетенции — в этом суицидальность убийства. Убийца становится симулякром, тенью тела, лишённого души. Сон об избиении полицейским хозяйки не связан со смертью непосредственно, но он является источником страхов Раскольникова после убийства. Исключение из цепочки снов составляет сон о Египте как референция иного-невозможного, рая на земле. В самом отсутствии насилия в этом микроэпизоде заложена обратная перспектива всему массиву жестокости в повествовании, и этот сон есть трансфер в кругозор Сони, попытка встречи с Другим, которого наяву Раскольников тщательно пытался изжить.

Наличие лошади в первом сне Раскольникова придаёт мотиву удара символический и аллегорический характер. Лошадь — проводник в загробный мир и символически, и буквально — в похоронной процессии. Следует отметить также, что связка «избиение (убийство) — лошадь» вводит в сферу «языковых игр» как художественный приём. Лошадь из жертвы во сне становится зеркальным «убийцей» безвольного Мармеладова во внутреннем, мистическом сюжете возмездия, а его жена в последних словах метафорически называет свою гибель словом «заездили». Таким образом, «кляча» из первого сна в комплексе с мотивом избиения-смерти вырастает

до масштабов «мирового коня», она символизирует в контексте смерти-воскресения и страдание, и мистический посыл в Иное.

Благодаря мотивному комплексу «Избиения лошади», по теории Раскольникова персонажный строй романа можно разделить на палачей, «право имеющих», и жертв — безропотных исполнителей воли первых. В противовес данному разделению выступает Соня Мармеладова как образ «печали по Богу» (сам Раскольников в первом разговоре с Порфирием «даже не в тон разговора» говорит о «великой грусти») и осознанно страдающий Николай, старовер, ложно признавшийся в убийстве из идеалистических побуждений. Оба они не интеллектуалы, и мир воспринимают не рационально, а душой, в подтексте уподобляясь жертвенной миссии Иисуса. Исходная претензия Раскольникова к Создателю — несовершенство мира — воплощается у этих двух персонажей в образ страдания за идею. Они осознанно отдают свои тела для страдания, а Раскольников убийством лишается фундамента души. Страдание в раскольничьем и церковном вариантах православия понимается как духовное восхождение, уверенность в себе и принятие изначальной ошибки созданного мира в гностическом ключе как возможность самосовершенствования и исправления тем самым всеобщей несправедливости.

Сама фамилия «Раскольников» помимо коннотаций, связанных с топором и актом совершения убийства, отсылает к изначальному, необременённому церковными распрями христианству. И признание себя убийцей старовером Миколаем оказало окончательное воздействие на решение Раскольникова о явке с повинной. Картина мира с благородным героем не допускала того, чтобы за преступление нёс ответственность посторонний.

Оба мотива «избиение (убийство)» и «лошадь» в комплексе играют генерализующую роль на уровне напряжённого становления героя в его желании самоутвердиться и совершить великие дела, которое фундировано обманчивым представлением о душе как препятствию к достижению этой цели. Открытость идеям альтруизма, к которой он приходит в финале романа, появляется на пути избиения и убийства собственной души в экзистенциальной ловушке «преступления» и в «наказании» как добровольном страдании, очищающем и возрождающем не только душу, но и ум, дающем внутреннюю свободу в тяжёлых условиях каторги. Сцена «избиения лошади» в начале романа оказывается пусковым крючком в сомне-

ниях Раскольникова по поводу его теории и её действие завершается только в обретении душевного покоя на фоне гармоничной жизни степных кочевников. Внутренне сопричастный их вольной жизни, искалеченный страстями герой готов, наконец, разглядеть в тяжёлой повседневности контуры будущего. Наказание, как и временная смерть его души, вселяет надежду на перерождение, казалось бы, невозможное.

Человек и его слог в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Светлана Алексеевна Мартьянова* (кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета (ВлГУ), Владимир. E-mail: martyanova62@list.ru).

Исследователи давно обратили внимание на первостепенную значимость проблемы слога в произведениях Ф.М. Достоевского. Об этом писали В.В. Виноградов, Т.А. Касаткина (на материале «Бедных людей»), К. Мочульский (на материале «Двойника»). Подчеркивалась важность выработки собственного слога как для персонажей, нередко являющихся «сочинителями», так и для самого писателя. Вместе с тем эта работа может быть продолжена. В частности, слог нередко становится предметом обсуждения и изображения в романе «Преступление и наказание». Целью доклада является выявление содержательных и конструктивных функций фрагментов этого романа, посвященных складу речи, манере говорить, стилю — всего, что обозначено в тексте словом «слог».

Первый фрагмент — обсуждение письма Лужина Раскольниковым, Разумихиным и Дуней. Предмет обсуждения — разгадка человека через его слог и «выражения». Раскольников находит этот слог «безграмотным», не соответствующим адвокату и человеку «с замашкой», Разумихин — «судейским», ссылаясь на то, что «все так пишут». В конце концов герои примиряются на слове «деловой». Раскольников, разгадавший желание Лужина рассорить его с сестрой, снова обращает внимание на «слог» Петра Петровича. Таким образом, слог способен сказать о человеке гораздо больше, чем он хотел бы сказать, невольно выдает его истинные намерения через использование отдельных «выражений», порядка слов, спрятанной в предложениях интонации. Главный герой романа оказывается человеком, необычайно чутким к чужому слогу. Своеобразную параллель к этому эпизоду представляют размышления

Раскольникова о письме матери: герой строит догадки об истинных мотивах поступка Дуни на основе оговорок и склада речи Пульхерии Александровны.

В романе значим мотив «высокого» слога. Так, Илья Петрович обещает Луизе Ивановне в случае повторения скандала взять ее «на цугундер, как в высоком слоге говорится». Фраза с упоминанием «высокого слога» помещена в комический контекст и соединяется с коротким монологом о «сочинителях, литераторах, студентах, глашатаях». О высоком слоге говорится и в серьезном контексте: Свидригайлов использует непривычное для себя слово «спасала». Ироническое упоминание слова не должно вводить в заблуждение, оно выдает скрытую тягу к высокому и даже настоящую нужду в нем.

Завершают «слоговую» линию в тематической композиции романа письма Сони о жизни Раскольникова на каторге. Описание восприятия писем Дуней и Разумихиным незаметно переходит в авторскую характеристику, в которой сливаются и авторская симпатия к Соне, и противопоставление другим героям и их письмам, и, возможно, авторское представление об идеальном письме «Образ несчастного брата под конец выступил сам собою, нарисовался точно и ясно; тут не могло быть и ошибок, потому что все были верные факты» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 415].

Таким образом, в докладе анализируются фрагменты романа, посвященные складу речи, манере говорить: слог Раскольникова в статье «О преступлении», «деловой» и «судейский» слог Лужина, слог писем Сони о жизни Раскольникова на каторге. В тематической композиции романа слог соотносится с такими смысловыми комплексами, как «факты-вымысел», «дело — бездействие», уделяя особое внимание мотиву «высокого» слога, показывается, что он связан как с ироническим, так и серьезным регистрами. Неотчужденное восприятие «высокого» слога (в случае со словом «спасала» в речи Свидригайлова) выдает скрытое тяготение к возвышенному, даже если герою не суждено утвердиться на этом основании. Слог героев Достоевского соотносится с их ценностными ориентациями, является не только средством характеристики героев, но и способом создания образа хаотичной современности, приметой которой было появление множества сочинителей, литераторов, использование слога либо в авантюрных целях, либо в поиске подлинной связи между людьми — трудно достижимой цели для русского пореформенного общества.

Бог vs черт в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Валентина Васильевна Борисова* (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ГМИРЛИ им. В.И. Даля (отдел «Московский дом Достоевского»), профессор МГЛУ, Москва; главный научный сотрудник БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа. http://orcid.org/0000-0002-9011-0160, E-mail: vvb1604@gmail.com).

В докладе рассматривается один из ключевых внутренних контекстов романа Достоевского «Преступление и Наказание», связанный с оппозицией Бога и черта, вполне соответствующий авторской аксиологии: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 100]. Анализ примеров функционирования слов «Бог» и «черт» в романе «Преступление и наказание» наглядно показывает напряженную динамику борьбы между Богом и чертом в «сердцах» героев, позволяя выстроить их типологические характеристики и выявить присутствие Бога и черта в мистическом сюжете произведения.

Слова «Бог» и «черт» занимают важное место в картине мира писателя, коррелируя с другими ценностными оппозициями: «верх — низ», «добро — зло», «свой — чужой», «друг — враг» и т.п.

У обеих лексем в тексте Достоевского есть синонимы: Господь, Иисус, Спаситель, Творец, Христос — бес, дьявол, нечистая сила и т.д. Частота употребления слов «Бог» и «черт» у Достоевского также показательна. Как отмечают авторы «Словаря языка Достоевского», слово «Бог» является одним из наиболее частотных в лексиконе писателя, совокупная частота слова «черт» гораздо меньше, причем в употреблении обеих лексем у Достоевского обнаруживаются две лексические особенности: с одной стороны, это преимущественное использование в составе фразеологических сочетаний или в качестве междометий; с другой — это свободные (полнозначные) употребления, преимущественно в прямой речи героев.

Изображение глубин душевной жизни героев в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Наталья Викторовна Акимова* (кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и иностранной филологии Орловского государственного института культуры, Орел. E-mail: anatavi@mail.ru).

Вопрос об особенностях изображения внутренней жизни героев в произведениях Достоевского, художественно-психологических принципах и приемах, помогающих раскрыть глубины

души персонажей, а также о психологизме писателя поднимался в работах И.Л. Альми, Г.А. Бялого, А.Е. Есина, Г.Б. Курляндской, О.Н. Осмоловского, Н.М. Чиркова, Г.К. Щенникова и др. Однако в работах ученых не до конца прослежена эволюция внутренних монологов Раскольникова как приема самораскрытия, воссоздания драмы героя, а немногочисленные внутренние монологи Свидригайлова, Разумихина, Лужина зачастую рассматриваются как средство индивидуализации, выражения специфики мышления и почти не исследуются как средство выявления психологического состояния и внутреннего мира персонажей в самых драматичных для них ситуациях.

Цель нашей работы — проанализировать внутренний монолог, несобственно-прямую речь как отражение сложных душевных процессов, драмы героев и кризисных ситуаций в романе «Преступление и наказание», а также рассмотреть сцены драматического действия, сопровождающиеся рисунком жестов и мимических изменений, позволяющих понять душевное состояние персонажей. Достоевский большое значение придавал умению читателя почувствовать состояние души героя, подчеркивая, что «автор вправе ждать от читателя» «некоторое знание души человеческой».

Объектом нашего исследования стали преимущественно внутренние монологи Раскольникова после сцены чтения Евангелия. Они представляют собой торжество рационального начала, стремление доказать правоту своей «мысли», взять реванш с помощью ума, рассудка. Для этих монологов-размышлений Раскольникова характерна логическая упорядоченность, последовательность, в них нет почти прерывистости, сбивчивости, раздвоенности сознания, но в то же время автор показывает бессознательное сопротивление натуры героя, прорывающееся в поступках, мимических изменениях, эмоциональном состоянии. Так, работу рассудка, стремление контролировать происходящее, анализировать все поступки, слова, взгляды особенно наглядно можно проследить во время встреч с Порфирием Петровичем, «боя» с ним. В авторском повествовании, ремарках, самооценке героя в этот период ведущим определением эмоционального состояния становится злоба, ненависть, гнев и отвращение. Эти чувства связаны с рациональным (дьявольским) началом и приводят к разъединению с людьми. Злобу также испытывают Порфирий Петрович, Лужин, когда рушатся их умозрительные построения, кажущийся верным

расчет; неслучайно и свои поспешные выводы, «оговор», называет «злобными мыслями» мещанин, обвинивший Раскольникова в убийстве.

Верно отмечают исследователи, что к внутренним монологам Достоевский прибегает при раскрытии характеров противоречивых, «многосоставных» (С.М. Соловьев). Драма Свидригайлова получает более полное освещение благодаря внутренним монологам, которые появляются лишь перед тем, как герой решился на самоубийство. В последние часы жизни в Свидригайлове приоткрываются болезненные переживания, сложные душевные процессы (в одном из внутренних монологов он признается себе: «точно жалко стало» Дуню, «как бы сердце сдавило ему» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 390].

Представлены в романе и внутренние монологи героев с «однолинейным» («монологическим») характером, Разумихина, Лужина, раскрывающие их внутренний мир в самый переломный для них период.

В целом глубины душевной жизни героев приоткрываются во внутренних монологах, а также эмпирическим способом в сценах драматического действия.

Автор показывает, что победа рационального начала приводит к разрушению целостности души, к проклятию одиночества, и раскрывает пути его преодоления.

Пластика и темп движения героя в романе «Преступление и наказание». *Елена Владимировна Степанян* (кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Московского государственного института культуры, Москва. https://orcid.org/0000-0002-2175-1386, E-mail: estepanian@yandex.ru).

Литературный портрет в произведениях Достоевского решительным образом отличается от более традиционного портрета героя, каким он предстает в романах Гончарова, Тургенева, Толстого.

Изображения внешности героев Достоевского, в частности, персонажей «Преступления и наказания», на первый — и поверхностный — взгляд идентичны аналогичным изображениям в произведениях писателей-современников (черты лица, рост, костюм — как правило, все эти детали упоминаются и ведут свое происхождение от традиционного «живописного» портрета, широко распространенного в литературе, детального, основанного на сравнениях).

Однако важнейшей характеристикой героев «Преступления и наказания» являются не те или иные портретные подробности, а динамические противоречия, заставляющие воспринимать образ в движении, не статично. Красота Раскольникова и нищенский его костюм, не говоря о внутренней борьбе его, сразу очевидной для читателя; застенчивость, пугливость, скромность Сони и детали, указывающие на ее ремесло; «жуирование жизнью», внешнее виверство Свидригайлова и неординарность суждений, проявления крупности характера этого персонажа.

Подобные противоречия являются динамическим зарядом, определяющим дальнейшее поведение центральных персонажей «Преступления и наказания». Их поведение — даже повседневное, бытовое, — сама пластика их движений резко выделяют их из обиходной, бытовой среды. Зачастую характер движений, смена поз говорят о внутренней подвижности, неординарности, возможности принятия героем невероятных решений.

Знаменательны те «вдруг», те взрывчатые наречия, которые предваряют тот или иной необычный поступок героя, смену его настроения, изменение маршрута его движения и т.д. Неуместная и неожиданная в пивной проповедь Мармеладова; Раскольников, спасающий пьяную девочку, и «вдруг» с отвращением отказывающийся от своего благодетельного поступка; Дуня, «вдруг» отбрасывающая револьвер, и Свидригайлов, отпускающий её — все эти и многие другие события романа говорят о необъяснимости человека, о неисчерпаемости его внутренних ресурсов.

Такая взрывчатость и необъяснимость внутреннего (и внешнего) поведения центральных персонажей романа особенно заметна на фоне повседневности, бытового обихода. Большей частью этот фон показан как монотонный, с гнетущими, механически повторяющимися подробностями. Движения, речи, поведение статистов романа воспринимается как нечто заученное, раз навсегда данное, неживое.

Этот капитальный контраст — между взрывчатой жизнью главных героев, и механической обыденностью, жуткой привычностью обихода — оказывается движущей силой сюжета. Неожиданность человека, сила его внутренней противоречивости, те «вдруг», которые меняют его жизненный путь и отображаются в его поведении, даже манере двигаться, и поражают, и привлекают, и — бывает — отталкивают читателя. То есть делают бытие романа таким же взрывчато-непредсказуемым, как жизнь его главных героев.

Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как часть Петербургского текста русской литературы. *Ольга Сергеевна Шурупова* (доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка института филологии Липецкого государственного университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк. E-mail: shurupova2011@mail.ru).

«И чего-чего в ефтом Питере нет! ...Окромя отца-матери, всё есть!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 133] — слышит Родион Раскольников, когда, повинуясь странному и непреодолимому желанию, приходит в квартиру убитой им старухи. Наивное восхищение рабочего, видимо, так же, как и Раскольников когда-то, прибывшего в Петербург из провинции, вполне закономерно. В Петербурге, который предстает на страницах романа, действительно есть многое, кроме семейного тепла, любви, возможности счастья. Таким мрачным, зловещим, лишенным радости город является в пределах десятков и даже сотен текстов, образующих общий Петербургский текст русской литературы. Думается, роман Ф.М. Достоевского может быть признан одной из главных, ключевых составляющих этого сверхтекста, в полной мере воплотившей его духовную сущность.

Во-первых, в романе достаточно точно указаны конкретные места, где живет и бывает главный герой, улицы и мосты, по которым он ходит, здания, которые он видит. Петербург Раскольникова и Мармеладовых это, как заявляет о нем Свидригайлов, «город канцеляристов и всевозможных семинаристов» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 217], униженных и оскорбленных. Впрочем, помимо жалких, некрасивых, наполненных бедным людом улиц, Раскольников посещает и парадный Петербург, «великолепную и украшенную многочисленными памятниками столицу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16]. Так, многолюдной Сенной, где Раскольников решится принести покаяние в своем грехе и поцеловать землю, противопоставлена прекрасная панорама Невы с Николаевского моста, от которой веет «необъяснимым холодом, духом немым и глухим» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 90], то есть бесовским, безблагодатным. Географические точки Петербурга в романе составляют бинарные оппозиции. Так, парадному Петербургу в определенной мере противостоит Сенная площадь, где собирается «цеховое и ремесленное население» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6]. Николаевскому мосту, с которого Раскольников созерцает дворец, противопоставлен в пределах романа Тучков мост, по которому проходят на Петербургскую

сторону и Свидригайлов, и Раскольников, побывав на Васильевском острове. Думается, Ф.М. Достоевский отправляет персонажей своего романа в эту часть Петербурга, потому что с Тучкова моста, самого длинного в городе, открывается и Малая Нева, и просторная гладь Невы и в середине моста человек ощущает себя маленьким, почти затерянным среди этого простора. Отсюда также видны многие парадные здания города, но здесь человек мал и слаб, а на Петербургской стороне его окружает зелень, которая должна напомнить ему о жизни. Однако и Раскольников после этого вновь возвращается к своей идее, и Свидригайлов, не в силах покаяться, завершает свой преступный жизненный путь самоубийством.

В отношения оппозиции, впрочем, вступают не только петербургские улицы и мосты. Концептосфера Петербургского текста, в целом, строится по принципу бинарности, поэтому то, что доминантные точки городского пространства определенным образом противопоставлены друг другу, вполне закономерно. Основные концепты данного сверхтекста, как правило, вступают друг с другом в отношения бинарной оппозиции, и ключевыми для понимания данного текста являются оппозиции *природа-культура, вода-камень, церковь-кабак, сон-явь, жизнь-смерть.* Особое значение для смыслового пространства Петербурга приобретает концепт *смерть.* Петербург предстает в романе как город, где мирная, счастливая жизнь возможна далеко не для всех и где каждый день погибают люди. Смерти Мармеладова, Катерины Ивановны, Свидригайлова, гибель старухи и Лизаветы — яркие эпизоды текста, причем каждая из этих смертей имеет особый характер: перед читателем разворачиваются последовательно сцены убийства, смерти, перед которой человек успел покаяться и попросить прощения, смерти без покаяния и, наконец, самоубийства. Это своего рода варианты судеб жителей Петербурга, которые Раскольников может «примерить» на себя. И, разумеется, важно, что Раскольников не погибает, а постепенно, становясь свидетелем смертей, приходит к необходимости рассказать о своём преступлении.

Таким образом, роман «Преступление и наказание» органично входит в Петербургский текст русской литературы, воплощая его основную черту — бинарность, двойственность. Петербург предстает здесь как двойственный город, одновременно парадный и грязный, роскошный и нищий, способный погубить и приводящий к спасению и воскресению.

«Преступление и наказание» в сербских театральных и кинематографических постановках. *Эниса Успенская* (доктор филологических наук, Университет художеств, Белград, Сербия. E-mail: enisa.uspenski@gmail.com).

О взаимосвязи театра и кино в трансформациях литературных произведений, конкретно прозы Ф.М. Достоевского и его романа «Преступление и наказание».

Первое появление «Преступления и наказания» на сцене белградского Национального театра, 8 декабря 1907 года. Инсценировка Я.А. Дельера, в переводе на сербский язык, в роли Раскольникова Добрица Милутинович (лауреат медали имени К.С. Станиславского).

«Преступление и наказание» в Сербии двадцатых и тридцатых годах: отзывы сербской критики о фильме «Раскольников» (1922) Робера Вине и «Преступление и наказание» в гостевых выступлениях пражской труппы МХАТ (23, 26 и 29 декабря 1929 года), с Григорием Хмарой в роли Раскольникова.

«Преступление и наказание» в инсценировке П. Краснопольского (перевод на сербский язык). Режиссура художественника Н.О. Масалитинова, сценография русского эмигранта Владимира Жедринского, в ролях сербские актеры Раша Плаович и Миливой Живанович (1935).

«Преступление и наказание» в инсцнировке и под режиссурой сербского драматурга Мини Дедича (1953) Культовая постановка в которой актер Любивое Тадич, как «новый Раскольников пятидесятых», исполнил одну из своих лучших ролей.

Михал Янкетич, «сербский Раскольников семидесятых», в инсценировке и театральной постановке Мирослава Беловича (1971) также и в телевизионном фильме Савы Мрмака (1972).

Инсценировка «Преступления и наказания» Анджея Вайды в сербских театрах. «Раскольников девяностых» в актерской игре Мики Манойловича, в режиссерской постановке Эгона Савина и «Раскольников двухтысячных» в исполнении Небойши Ракочевича, в постановке Аны Томович.

«Преступление и наказание» как претекст культовых фильмов девяностых и двухтысячных: «Три летних дня» Мирьяны Вукоманович (1997) и «Ловушка» Срдана Голубовича.

В становлении «Раскольниковского текста» в сербском театральном и киноискусстве решительную роль сыграли художе-

ственники которые на белградских сценах в двадцатые-тридцатые годы постановками Достоевского задали высокие художественные образцы. Немалую роль в этом деле имели и художники (режиссеры, актеры сценографы, композиторы) из среды первой русской эмиграции. Сербские художники (режиссеры, драматурги, актеры) во второй половине XX века следовали установленным образцам русских художников, но в то же время имели ввиду и западные, в частности французские, театральные и кино постановки Достоевского. Благодаря проникновенной игре выдающихся сербских актеров в пятидесятые и семидесятые годы XX века создан «раскольниковский культурный тип», бунтующий (анти)герой социалистической эпохи. В театральных и кино постановках девяностых и двухтысячных актуализируются этические вопросы: что такое преступление, возможно ли преступление без наказания, вопросы страдания и самопожертвования.

Казус Раскольникова, который не смог убить Алену Ивановну. Опыты альтернативной истории. *Людмила Ивановна Сараскина* (доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания, Москва. http://orcid.org/0000-0003-4844-4930, E-mail: l.saraskina@gmail.com).

I. Принцип историзма и альтернативная история.

Программа историзма и ее реализация в работах Леопольда фон Ранке.

Формула: *как всё было на самом деле* (wie es eigentlich gewesen).

Полемика Люсьена Февра с Леопольдом фон Ранке.

Тезис: «Когда не знаешь, чего ищешь, не понимаешь того, что находишь».

II. «Историк – не тот, кто знает, он – тот, кто ищет».

Происхождение и смысл фразы: «История не знает слова «ЕСЛИ».

Макс Вебер, Карл Хампе, Голо Манн. Проблема *неслучившихся историй*.

Тезис: «История не знает (не терпит) сослагательного наклонения».

Ложные авторства. Цитата-подкидыш.

Проблема использования формулы «Если бы…» исторической наукой.

III. Право историка-исследователя на сослагательное наклонение.

История как выбор из разных вариантов.

История как прогнозирование событий.

Право искусства на альтернативные художественные истории.

IV. Размышление Ф.М. Достоевского на тему альтернативной истории:

«Если бы жил он [Пушкин] дольше, может быть, явил бы...» [Достоевский, 1972–1990,

т. 26, с. 148].

V. Раскольников как фигурант ***неслучившегося убийства****.*

Как искусство пользуется альтернативой *неубийства*?

Разбор причин: не смог? не удалось? помешали? раздумал?

Что меняется в судьбе Раскольникова, если он не убил, но замышлял?

Будут ли новые попытки? В чем вина? В чем наказание?

Будет ли раскаяние? В чем раскаиваться?

VI. Экранная гипотеза на тему:

«История Раскольникова, которая могла бы пойти по-другому».

Анализ. Комментарии.

«По крайней мере, долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел». *Катерина Корбелла* (научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва. https://orcid.org/0000-0001-5996-0127, E-mail: cate.corbella@gmail.com).

В прошлом году докладчиком была предпринята попытка выявить возможные связи между романом «Преступление и наказание» и «Комедией» Данте. Первый шаг работы был проделан с осознанием большого риска проекций, которые невольно будут возникать у исследователя, ищущего влияния одного текста на другой, но также с пониманием необходимости принять на себя такой риск, чтобы посмотреть, стоит ли дальше идти и в каком направлении.

Работа, проделанная, можно сказать, на ощупь, также оставляла в стороне вопрос о том, в каком переводе/пересказе и, соответственно, до какой глубины Достоевский мог ознакомиться с «Комедией»: вопрос непростой, потому что если, с одной стороны, упоминания Данте у Достоевского совсем немногочисленны, и в опыте рекон-

струкции его библиотеки не находится названия, даже косвенно указывающего на «Комедию», с другой стороны — представить, что Достоевский был совсем не знаком с содержанием поэмы сложно. На вопрос о знакомстве Достоевского с «Комедией» сложно ответить «вообще», но можно попробовать подойти к нему с точки зрения конкретных образов и структуры, которые он мог воспринять в доступных ему версиях поэмы, чтобы потом использовать их в собственных текстах.

Прошлогодняя работа показала, что один из самых дантовских отрывков книги — это вторая глава шестой части романа, когда Порфирий Петрович приходит к Раскольникову. Удивительным образом, тут обнаруживаются возможные отсылки не только к Аду, но и к Чистилищу. «Комедия» здесь проявляет свое присутствие не только и не столько как источник отдельных элементов и образов (например, «вырезанные кишки» пророка Магомета в: Ад XXVIII), но как возможная стоящая за повествованием структура, передающая глубинный смысл того, что предлагает Порфирий Раскольникову («учинить явку с повинной» и «пострадать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 350]), и вообще истории Раскольникова (который «разом до последних столбов дошел» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351]).

Такое использование дантовской поэмы не предполагает детальное, прямое знакомство с содержанием всей «Комедии», но для него также недостаточно хорошее знакомство со страшными образами Ада (достаточно общедоступное к тому времени знание). Оно предполагает, что у писателя сформировано довольно хорошее представление о том, что такое пространство Чистилища и какова его функция. Также речь Порфирия обогащается смыслом и глубиной если иметь в виду связь между путем Одиссея (Ад XXVI) и путем Данте, особенно в том, что касается переход из Ада к Чистилищу (Чистилище I).

Таким образом, вопрос о знакомстве Достоевского с «Комедией» и о возможных путях, через которые оно осуществлялось, в связи с «Преступлением и наказанием» приобретает более четкие контуры: не зная итальянского языка, в каких версиях мог бы Достоевский читать XXVI и XXVIII песни Ада? Содержат ли эти версии в своих комментариях указание на то, что гора, которую Одиссей видел в момент кораблекрушения, это та же гора Чистилища, к которой приходит Данте после Ада? Какое представление из этих версий

можно было получать о пространстве Чистилища и о его функции, какие песни можно было прочитать?

Одна из наиболее распространенных в России версий на французском языке, перевод Арто де Монтора, имевшаяся в библиотеках Пушкина и Жуковского, была полной, в прозе, с комментарием. Были еще отличавшиеся варианты, в некоторых случаях сокращенные, и потому не позволившие бы Достоевскому так мастерски овладеть материалом.

Нарисовав картину доступных к тому времени версий на русском языке (иллюстрации к переводу Ада Фан-Дима (Е.В. Кологривовой) были по всей видимости упомянуты в [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 155]), можно заметить очень интересный момент: в 1865 году в «Отечественных записках» появляется перевод первой песни Чистилища Д.Е. Мина с маленьким предисловием и комментарием.

1865 год — 600-летие рождения Данте, и оно отмечалось в России разными публикациями. В это время Достоевский работает над романом «Преступление и наказание», который год спустя будет опубликован в тех же «Отечественных записях». Сложно себе представить, что перевод Мина прошел совсем мимо Достоевского.

Мин занимался переводом «Комедии» с сороковых годов, еще в 1855 году издал полный стихотворный перевод «Ада», тоже с комментарием, в котором связь между Адом XXVI и Чистилищем открыто проведена. Мин, как и упомянутый прежде Арто де Монтор, имеет большое преимущество: они оба не сосредоточивались только на Аде (в то время, как и сегодня, имевшем больший успех, чем другие части), они были внимательны также к Чистилищу и Раю, к их духовному содержанию. Комментарии Мина отличались тем, что он воспользовался немецкими изданиями «Комедии», в то время более четкими и подробными в комментариях не только по сравнению с французскими, но даже и с итальянскими изданиями.

Шиллеровские мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Александр Борисович Криницын* (доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. https://orcid.org/0000-0003-0262-5058, E-mail: derselbe@list.ru).

Имя Шиллера традиционно ассоциируется в романе с идеализмом и мечтательством, в приверженности которым насмешливо

уличает Раскольникова Свидригайлов («Шиллер-то в вас смущается поминутно!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 373]). Но тот факт, что Свидригайлов и сам «страшно любит» Шиллера, при своем декларируемом аморализме, заставляет взглянуть на шиллеровский вклад в психологизм и философию Достоевского под другим углом. Чересчур возвышенный идеализм чреват бунтом против несовершенства мира, как это происходит у Карла Моора из «Разбойников». Экзальтированное мечтательство через самоупоение зачастую приходит к надрыву и надлому, в результате чего способно перерождаться в неистовство вседозволенности, при сохранении эстетического и патетического отношения к действительности. В докладе также анализируется повесть Шиллера «Преступник из-за потерянной чести», где впервые в западной литературе было подробно прослежено изнутри психологическое движение героя к преступлению и столь же постепенное и логическое вызревание в его душе потребности к покаянию. С учетом досконального знания Достоевским творчества Шиллера данный рассказ неизбежно должен был повлиять на структуру сюжетного развития «Преступления и наказания»[4].

«Так нас природа сотворила...»: преступление без наказания (Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, И.А. Бунин). *Геннадий Юрьевич Карпенко* (доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, Самара. E-mail: karpenko.gennady@gmail.com).

Антропологическая проблема, обозначенная А.С. Пушкиным утвердительными словами «Так нас природа сотворила, к противуречию склонна», породила в художественном пространстве литературы многообразные ответы. Большинство из них строились на основе принципа социокультурного детерминизма, обусловленности появления того или иного антропологического типа атмосферой времени и условиями среды.

Ф.М. Достоевский усложняет антропологические представления: для него «Человек есть тайна. Ее надо разгадать <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 63].

[4] На основании доклада опубликована статья: [Криницын, 2023].

Если говорить о «большой», всеобъемлющей концепции человека, запечатленной в творчестве Достоевского, в том числе в романе «Преступление и наказание», то к ее христологическому измерению и привычному социальному, философскому и религиозному содержанию нужно добавить трудно определяемую и контролируемую сознанием «темную зону» психофизиологического и бессознательного, эволюционно доставшуюся человеку **«по закону природы»** и проявляющуюся в нем в виде навязчивых идей, желаний, немотивированных хотений и накапливаемых созерцательных впечатлений. Сам писатель, выводя и очерчивая «темную зону», оставляет ее в состоянии тревожной непроясненности, потенциально взрывной напряженности, имеющей, впрочем, свои сюжетные последствия.

В финале романа «Преступление и наказание» этот «темный след» в доброй натуре Раскольникова проявляется в виде разных обозначений: «<...> ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем <...>»; «Но он не раскаивался в своем преступлении» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 416]; «Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419].

Достоевский выходит на мысль о «чистой» врожденной «антропности», доставшейся человеку по наследству как накопленный в глубинах человеческой природы капитал. Не случайно С.Н. Булгаков, размышляя над данной проблемой — «о силе зла и греха в человеческой душе», ставит симптоматичный вопрос: «Заслонит ли для нас мрак души о. Сергия свет души старца Зосимы?..»

Какова природа «сына человеческого», на этот вопрос не религиозно, а психофизиологически, опираясь на собственные наблюдения и догадки, а также на работы по антропологии и эволюции видов, давали ответ многие писатели. Обращу внимание на два таких характерных типа: Евгения Базарова (роман И.С. Тургенева «Отцы и дети») и Адама Соколовича (рассказ И.А. Бунина «Петлистые уши»).

Тургенев выводит в своем романе не только героя-идеолога, но и устойчивый психоментальный, психосоматический тип «на грани нормы» — алекситимика, «человека без слов для выражения чувств». Тургенев за сто лет до научного описания П. Сифнеосом человека с такими проявлениями изобразил героя, который обла-

дает всеми признаками алекситимика: эмоционально-лексическая неспособность в выражении своих сокровенных чувств, отсутствие эмпатии, неумение увидеть и передать красоту мира, прагматическое мышление и отношение к жизни, замещение «словесной эмоции» соматическими реакциями. Его мировосприятие пропитано «некрофильством», что проявляется в подавлении ближнего, в поведении «глотающей инфузории» и «муравья», который, «в качестве животного, имеет право не признавать чувства сострадания».

Христианская традиция и руссоистские идеи обусловливали однозначное и изображение, и изучение человека в его онтологической основе как доброго существа. Однако дарвинизм и связанное с ним направление мысли скорректировали понимание человека: так в творчестве И.А. Бунина появился тип «прирожденного преступника». Бунин сбрасывает с современного человека все религиозные и социальные одежды и показывает на примере образа Адама Соколовича («Петлистые уши»), как в общество может проскочить активное атавистическое явление — «прирожденный преступник» (словно извлеченный писателем из работ по криминальной антропологии Ч. Ломброзо, Э. Ферри, М. Нордау, Г. Тарда и др.), который мук совести не испытывает, но не потому, что он плохо воспитан и ему не привили в детстве нравственных качеств. Он равнодушен по своей природе, нравственная атрофия у него атавистична, досталась ему по наследству от животного мира, сильные особи которого выжили благодаря убийствам. И до сих пор атавистические признаки той звериной породы вдруг по неизъяснимым законам природы находят запечатление в отдельном человеке в виде не только внешних примет (петлистые уши), но и психофизиологческих, какими наделены «прирожденные преступники».

Таким образом, русские писатели выразили «антропологическое беспокойство», напомнили о грозной силе человеческой природы, о всевластии атавистических процессов внутри человеческого рода, который может породить «выродка, нравственного идиота от рождения», что и воплотилось, по убеждению Бунина, в Ленине, в «русском Каине»: «Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек».

Пошел ли Раскольников путем Каина? Об отношениях между романом Достоевского и мистерией Байрона. *Светлана Борисовна Королева* (доктор филологических наук, доцент, началь-

ник МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород. E-mail: svetlakor0808@gmail.com).

Байрон и Достоевский — традиционная тема для отечественного литературоведения. Внимание к различным ее аспектам связано, в первую очередь, с размышлениями о байронизме и байроническом герое в публицистике Достоевского, равно как с аллюзиями на байроновские образы и сюжеты в его художественной прозе. Прямые отсылки к творчеству Байрона и байроническому герою содержатся и в черновых редакциях романа «Преступление и наказание».

При всем этом вопрос о внутренней соотнесенности сюжета и героя этого романа Достоевского с сюжетом и героем мистерии Байрона «Каин» не ставился. Возможно, отчасти это обосновано тем, что, плохо владея английским языком, писатель не мог читать «Каина» Байрона и в русских переводах, поскольку таковые к середине 1860-х годов были либо не опубликованы, либо фрагментарны (не были изданы переводы Н.К. Неелова и Н.А. Серно-Соловьевича 1836 и 1864 годах соответственно; «сцена» же из мистерии, переведенная В. Костомаровым, была опубликована в «Светоче» в 1861 году). Однако и к 1880-му году, когда был завершен явственно ориентированный на байроновского «Каина» последний роман Достоевского, ситуация с переводами мистерии на русский не изменилась (полный перевод был впервые издан в России в 1881 году). Этот факт косвенно указывает на то, что постановка вопроса не только о типологической, но о генетической связи двух текстов вполне оправданна. То же можно утверждать, сопоставляя две концепции образа преступления, данные в них. Следовательно, Достоевский читал байроновскую мистерию, как и многое другое, по-французски.

Это сопоставление приводит к неожиданному выводу: перерабатывая байроническую традицию, русский писатель отталкивается не только от типа байронического героя, но и от байроновского «Каина» — трагедии, «разыгрывающей» протестантскую версию архетипического духовного пути (европейского) интеллектуала Нового времени. Это путь, ведущий *гордого человека* от внутреннего вопрошания касательно своего места в мире через неприятие родительских заповедей и родительской греховности, Божественной воли и миропорядка к преступлению как «прорыванию» внутренне-

го протеста во внешнее действие и, в результате, к внешнему наказанию и внутреннему осознанию им своей неизбывной порочности, предрешенности и неисправимости своей оторванности от Истины и Света. Иными словами, байроновская мистерия в центральных образах, конфликте, сюжете высвечивает духовную основу мироощущения человека, вовлеченного в протестантский тип мышления, в протестантскую культуру. С этим связана масштабность влияния мистерии на европейскую литературу, а также чрезвычайная ее значимость для русского Серебряного века.

«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Рождественские каникулы» У.С. Моэма: диалог писателей. *Евгения Александровна Митина* (кандидат филологических наук, лаборант-исследователь, МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; старший преподаватель кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Москва, Нижний Новгород. E-mail: 27jenni270@mail.ru).

В своем самом «русском» романе «Рождественские каникулы» английский писатель Сомерсет Моэм наследует традицию Ф.М. Достоевского, в том числе, заметно влияние «Преступления и наказания». В публицистических текстах Моэм не оставил подробных записей об этом романе, есть только краткие высказывания. Но, как известно, Достоевский в значительной мере повлиял на развитие жанра, в том числе криминального романа в Англии. Прочитав «Преступление и наказание», Сомерсет Моэм признался, что именно после этого произведения Достоевский завладел его воображением.

Моэм в своих «Записных книжках» сравнивает мастерство Достоевского с методом Эмиля Габорио, одного из основателей детективного жанра. Элементы жанра криминального романа входят в «Рождественские каникулы» в связи с образом Робера Берже. По сюжету герой убил английского букмекера, и за это преступление был приговорен к пятнадцати годам каторги во Французской Гвиане. Автор по всем законам детективного жанра изображает историю убийства. Моэм использует характерный для поэтики Достоевского прием двойничества и связывает образ Робера Берже с образом Саймона Фенимора — молодого англичанина с задатками лидера,

который готовится сыграть решающую роль в революции в Англии. В данном случае происходит «раздвоение» образа Раскольникова на двух персонажей. Можно утверждать, что Саймон и Робер Берже иллюстрируют в своих образах пазлы, из которых складывается образ Раскольникова. Оба героя представляют тип героя-преступника. Саймон в романе показан как «виртуальный убийца», он пока вынашивает свои планы, в то время как Берже уже реализовался как преступник. При этом они не знакомы друг с другом, но Саймон неслучайно пристально интересуется фигурой и судьбой, как Робера Берже, так и лиц, его окружавших. Однако Саймон, в сравнении с Берже, оказывается страшнее. Сюжетные линии Робера Берже и Саймона взаимосвязаны. Саймон хочет проверить, подобно Родиону Раскольникову, пределы своих возможностей: тварь ли он дрожащая или право имеет? Показательно, что именно это так привлекает Саймона, следящего за процессом по делу убийства Берже в такой мере, что он даже берется освещать его как журналист. Робер, в свою очередь, не простой преступник. Герой принадлежит к привилегированному сословию, достаточно образован и имеет авторитет в обществе. Мотив его преступления, как и для Родиона Раскольникова, и для Саймона, не связан с деньгами. Для него преступление было сродни спорту, встряске, испытанию себя. Но Робер Берже — преступник иного, нежели Саймон, неполитического масштаба: он начинает с мелких краж дамских сумочек, затем «пробует себя» в угоне автомобилей и, наконец, возжелав испытать себя «в большем масштабе», решается на убийство человека. Саймону, который как журналист присутствовал на «захватывающем процессе» по делу Берже, принадлежит эссе, в котором он прослеживает, как созревала у преступника мысль о преступлении и как, совершив его, тот почувствовал удовлетворение от того, что он «состоялся». Но, в отличие от образа Раскольникова, у Берже нет «светлой идеи», философской теории, ради которой он совершает преступление. Берже не интеллектуал. Раскольников, пытаясь проверить себя, шел на эксперимент над собой. Его теория — продукт крайнего индивидуализма, человеческой гордыни, рожденной в глубине сложной, большой личности. В натуре Берже при внешнем сходстве ситуации этого нет. Моэм, создавая образ Берже, не описывает сложных эмоциональных смятений, размышлений на «уровне Достоевского». Берже показан, главным образом, со стороны, в отраженном сознании и оценке других персонажей. Так, в своем эссе Саймон

объясняет «авантюрный» поступок Берже жаждой острых ощущений, попыткой проверить себя.

Многое в описании образа преступника-джентльмена Моэма остается тайной. В этом аспекте Берже близок и образу-загадке Свидригайлову. О загадочности Свидригайлова говорит сам Раскольников. Свидригайлов лишен нравственных установок; моральные нормы, по его мнению, нужны только для «тварей дрожащих». Он живет по принципу «все дозволено» и эгоистически самоутверждается за счет других. Берже, как и герой Достоевского, восхищает окружающих своей жизненной энергией, смелостью, но при этом вызывает страх. Его мягкий прямодушный взгляд, молодой мелодичный смех могли смениться безжалостным, свирепым лицом, с холодным жестоким взглядом. Он не признает никаких норм и ограничений. Свидригайлов — противоречивая фигура. Таким неоднозначным предстает и сам Берже. Сомерсет Моэм в образе Робера Берже использует формулу «достоевского» характера, но лишает его слова.

Романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Н. Нарокова «Мнимые величины»: сюжетно-идейные параллели. *Елизавета Сергеевна Апалькова* (аспирант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва. E-mail: liza_apalkova@mail.ru).

В докладе рассматриваются черты преемственности русской классической литературы в романе Н. Нарокова «Мнимые величины», в частности его ориентация на творчество Ф.М. Достоевского и его роман «Преступление и наказание». В романе Нарокова можно обнаружить не только сюжетные, но и жанровые, идейные параллели с «Преступлением и наказанием». В центре произведения — герой-чекист, подобно Раскольникову, одержимый идеей. Спасение он видит в Евлалии, представляющей собой нравственный идеал, как Сонечка Достоевского. Идея Раскольникова о людях «право имеющих» доведена до предела у Нарокова. Он осмысляет с помощью исследования психологии чекиста Любкина трагическую эпоху 1937 года — сталинские репрессии. В творчестве писателя обнаруживается два типа связей с традициями русской литературы. С одной стороны, это осознанное следование им, желание сохранить связь с родной культурой в условиях эмиграции. Общение

с предшественниками становится своеобразной формой духовного и эмоционального выживания. С другой стороны, обнаруживаются и определенные типологические связи. Сама картина бытия оказывается такова, что в ситуации утраты нравственных ориентиров обнажается и становится более очевидной темная сторона жизни. Нароков в романе «Мнимые величины» показывает актуальность идей Достоевского, его вневременное значение, акцентируя внимание на ложности и безжизненности идей, оторванных от непреходящей правды[5].

«Преступление и наказание» в романистике Ю.В. Мамлеева. *Ольга Алимовна Богданова* (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва. http://orcid.org/0000-0001-7004-498X, E-mail: olgabogda@yandex.ru).

В докладе, с учетом накопленного в науке опыта разработки темы «Достоевский и Мамлеев» (статей и монографий Л.И. Сараскиной, Г.Л. Нефагиной, А.С. Григорян, С.Е. Трунина, Р.С. Семыкиной, М.Е. Бойко и др.), прослежена интертекстуальная перекодировка знаковых мотивов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) — мистического сладострастия, идеологического убийства, старухи (старика), «воши», «топора» — в двух концептуальных романах Ю.В. Мамлеева «Крылья ужаса» (1993) и «Блуждающее время» (2000).

В процессе анализа выявлена сюжетообразующая роль мотива сладострастия в произведениях Достоевского и Мамлеева и акцентирована его мистико-метафизическая составляющая, а также сопоставлены семантика и семиотика этого мотива в идейно-композиционном целом названных романов. Установлено, что в «Блуждающем времени» идеологические убийцы Раскольников и Посеев разводятся и сближаются посредством двойной перекодировки, логика которой обусловлена различием художественно-метафизических взглядов обоих писателей. Также исследована в сопоставительном ключе динамика таких сквозных образов-символов, как «вошь», старуха (старик), «топор».

[5] На основании доклада опубликована статья: [Апалькова, 2023].

В результате, по сравнению с предыдущими исследованиями, рамки «кода Достоевского» в романистике основателя «метафизического реализма» раздвинуты и ряд его составляющих осмыслен глубже. Становится очевидным, что рецепция Достоевского у Мамлеева не просто имеет осознанный характер, но использует тот сегмент языка русской культуры, частью которого являются мотивы, образы-символы и концепты Достоевского, а также возникший вокруг них метатекст, для производства новых смыслов, релевантных, по мнению писателя рубежа XX–XXI веков, духовно-эстетическим тенденциям нашей современности.

«Преступление и наказание» в зеркале фанфикшн. *Капустина Светлана Владимировна* (кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь. https://orcid.org/0000-0002-0608-5258, E-mail: kapustina_s_v@mail.ru).

Фанфикшн как сетевая креативная практика непрофессиональных сочинителей — это не только оригинальный индикатор популярности и востребованности культовых литературных произведений сегодня, но и своего рода «проявитель» тех художественных находок автора оригинального текста, которые побудили рефлексирующего читателя переквалифицироваться в фикрайтера и «конвертировать» классику в современность. Анализ тематической подборки «фанатской выдумки» (фэндома) позволяет выявить общие траектории «дописывания» литературных шедевров и попытаться установить причины этой тенденциозности; обозначить бытование и трансформацию стереотипов о писателе и его героях в любительских интернет-работах; сопоставить культурные доминанты «века минувшего» с «веком нынешним».

Самые популярные фендомы по русской литературе на крупнейших отечественных фанфикшн-платформах созданы по мотивам произведений М.А. Булгакова и Ф.М. Достоевского. Однако если в первом случае экспериментам фикрайтеров подвергается преимущественно один роман — «Мастер и Маргарита», то во втором — корпус художественных текстов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Белые ночи», «Записки из подполья». Вполне закономерно, что произведения, рекомендованные ФГОС для обязательного прочтения в старших классах, наиболее востребованы

среди «сетевых писателей» (или, согласно самоидентификации последних, — «активных читателей»).

Симптоматично, что фикрайтеры часто признаются в своих сочинениях, что не знакомы с текстами Ф.М. Достоевского, а импульсом к созданию фанфика послужили работы других участников фанфикшн-сообщества либо экранизации «Преступления и наказания». Тем не менее среди «сетевых писателей» есть и «активные читатели» первого романа Великого Пятикнижия Ф.М. Достоевского. Именно они развивают в своих фанфиках заложенные в «Преступлении и наказании» жанровые потенции детектива либо с учетом хорошо узнаваемых деталей оригинала создают любительские мини-версии любовных романов, литературных травелогов, хорроров.

Показательно, что симпатии вдохновившихся «Преступлением и наказанием» фикрайтеров неизменно получает Дмитрий Прокофьевич Разумихин (в отдельных работах — «исконно» *Вразумихин*). Скорее всего, этот инициативный, целеустремленный, оптимистично настроенный герой в восприятии современных читателей наиболее соответствует образу нацеленного на успех ресурсного человека. Однако бескорыстие и дружеская самоотверженность Разумихина тенденциозно опошляются в слэш-фанфиках, виртуальное поветрие которых заражает и развращает подростков сродни «новым трихинам» из сна Раскольникова.

В современном фанфикшн-дискурсе много разных направлений: как базирующихся исключительно на творчестве, оригинальности, самобытности, так и основанных на популяризации табуированных тем, девиантных поведенческих моделей. Именно поэтому нельзя обобщенно оценить какими — обновленными или искаженными — предстают герои «Преступления и наказания» в зеркале фанфикшн. Однако и виртуальные «акты творческого вандализма», регулярно совершающиеся дерзкими фикрайтерами над шедевром Ф.М. Достоевского, и креативные интернет-опыты, нацеленные на модернизацию сюжетных линий романа, резонно воспринимать как вызов родителям и педагогам, то есть тем, кто должен способствовать формированию у подростков традиционной системы ценностей.

Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года. *Ольга Алексеевна Деханова* (кандидат фармацевтиче-

ских наук, Москва. https://orcid.org/0000-0003-2216-2548, E-mail: Dh369@yandex.ru).

В литературе 40-х годов, когда неприятные запахи приобрели очевидный социальный смысл, возник образ «грязного вонючего трактира» и к середине XIX века тема пьянства, как причины самых гнусных пороков и преступлений, стала одной из самых обсуждаемых.

Многочисленные и самые разные питейно-трактирные заведения, как место неожиданных встреч, исповедей и монологов его персонажей, присутствуют практически в каждом художественном произведении Достоевского.

В большинстве случаев они выполняют важную коммуникативную функцию, так как сочетание реальной, понимаемой читателями детали и создаваемого автором чувственного невербального образа составляет одну из уникальных особенностей его творчества.

Однако, для понимания механизма этой коммуникативной функции необходимо иметь четкое представление и о реальных бытовых деталях, и о связанных с ними возможных эмоциональных ощущениях в современной Достоевскому повседневности.

Распивочная — самое значимое для романа «Преступление и наказание» питейное заведение. Кроме этого романа Достоевский только дважды использует эту лексему (в романе «Идиот» и в «Вечном муже»).

Распивочная составляет очевидный лейтмотив произведения. «Вонь из распивочных» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6] — элемент общей негативной атмосферы города наравне с душным запахом пыли и известки. Ее упоминание сопутствует всем значимым для героев событиям и встречам, она вызывает эмоциональное ощущение тревоги, легко преодолевая границу между физическими ощущениями и нравственными категориями.

Для идентификации распивочной как реальной бытовой детали и выявления связанных с ней эмоциональных образов наиболее достоверными и информативными источниками являются правовые законодательные документы в области питейных сборов и питейных продаж, так как время создания и время действия романа приходится на период принципиальных государственных реорганизаций в этой области.

Обращение к специальным законодательным и справочным источникам позволило выявить правовой статус лексемы «распи-

вочная» — питейный дом, связанный с исторически сложившейся негативной репутацией кабака. К середине XIX века литературное употребление лексемы «кабак» существенно дистанцировалось от бытовой речи и приобрело выраженный метафорический и символический смысл. В романе «Преступление и наказание» Достоевский использует современное ему бытовое разговорное название питейного дома — распивочная, несущее выраженную эмоциональную реакцию социального отторжения.

Это свойство лексемы «распивочная» позволяет использовать ее как реальную бытовую деталь в качестве проводника связанных с ней негативных эмоциональных переживаний, переводя бессознательное ощущение тревоги и опасности в нравственные категории добра и зла.

Кроме того, некоторые детали правового регламента питейного дома позволили уточнить один из комментариев романа, связанный с упоминанием распивочной[6].

Суждения Ф.М. Достоевского об авторском праве XIX века. *Сергей Александрович Абрамов* (аспирант кафедры гражданского права и общеправовых дисциплин ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Орел. E-mail: sergey.abramov86@gmail.com).

Введение: в отсутствии универсальной охраны авторских прав, малозначительной роли издателей, на долю отечественных литераторов XIX века легла вся тяжесть борьбы за авторское право. Именно активная позиция отечественных писателей по формированию и защите своих авторских прав в условиях формирования правового режима охраны интеллектуальных прав в XIX–XX веке позволяет четче и глубже понять категорию субъектов данной группы прав.

Методология: 1. полем для анализа выступает как художественное произведение автора, так и его биография, и прочие юридически значимые документы. 2. изучение взаимоотношений автора с издателями. 3. использование автором права на перевод является одним из маркеров осознания литератором себя как правообладателя. 4. Персональная стратегия международной защиты авторских прав.

Портрет Ф.М. Достоевского как правообладателя: восприятие Достоевским авторского права перекликается с определением

[6] На основании доклада опубликована статья: [Деханова, 2023].

Гегеля. Достоевский всегда стремился извлекать выгоду из своей литературной деятельности. Достоевский — переводчик непочтительно относился к срокам прав авторов оригиналов в зарубежном законодательстве. Международная защита авторских прав не имеет смысла, по мнению Достоевского, так как каждый автор уникален и неповторим.

Теории авторского права: Активное развитие права и технологий в XIX веке сопровождалось соперничеством теорий авторского права: теории вознаграждения и персональной теории авторских прав.

Художественный образ авторского права в «Преступлении и наказании»: Образ книгопродавца Херувимова в романе коррелирует с лесковской неприязнью к издателям, отвергающим утилитарный характер своей деятельности и подменяющей ее погоней за коммерческой выгодой. Право на перевод в рамках российской издательской деятельности 2-й половины XIX века, а именно практика вознаграждения иностранных авторов при выпуске переводов их произведений на русский язык, отсутствовала. Именно поэтому многие студенты выполняли работы по переводу за вознаграждение и их труд пользовался спросом. Тургенев отмечал эту особенность русского литературного рынка в своем выступлении на Парижском конгрессе литераторов 1878 года.

С точки зрения русского издателя «Руссо в своем роде Радищев» и наоборот, издание иностранного автора обходилось дешевле из-за отсутствия международной охраны авторских прав. Подобное видение разделял Разумихин. Как коммерческая деятельность издательский бизнес был прибыльной быстрорастущей и новой индустрией 2-й половины XIX века. В странах, где установился благоприятный правовой режим литературная индустрия обогатила как издателей, так и авторов сформировав национальную литературу, в прочих странах перевод и литературная контрафакция отравила индустрию, ограничив возможности отечественных правообладателей, по мнению А.А. Пиленко, паразитируя на интеллектуальной собственности иностранцев. Достоевский отрицательно характеризует данную деятельность. Устами Раскольникова при обсуждении с Порфирием Петровичем написанной им статьи, Достоевский дает характеристику исключительных прав. Та же негативная коннотация в отношении критерия новизны в авторском и патентном праве. Правообладатели, по мнению Раскольникова, имеют дар или талант

сказать в среде своей новое слово, они преступают закон, разрушая настоящее во имя лучшего. В той же логике литературная контрафакция представляет собой процесс нарушения исключительных прав неопределенным кругом лиц. Несмотря на враждебный тон в отношении теории вознаграждения авторских прав, Достоевский предельно аккуратно описывает ее динамику, сохранившую свою актуальность.

Родион Раскольников: корысть или экстремизм (взгляд криминалиста). *Сергей Викторович Дубовиченко* (кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета (МФЮА), Москва. E-mail: sdubovichenko@mail.ru), *Виктория Валерьевна Никульцева* (кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета (МФЮА), Москва. E-mail: severjanin@list.ru).

Мы попытаемся сформулировать уголовно-правовой и криминологический взгляд на мотивацию преступления Родиона Раскольникова, используя инструментарий юридической науки. Юридическая реконструкция внутреннего содержания преступного деяния осуществляется по характеру действий виновного лица, его допреступному и постпреступному поведению, взаимоотношению с потерпевшим и проч.

С правовой точки зрения, корысть — это мотив, в основе которого лежит стремление к получению материальной выгоды к обогащению за счет другого без затрат собственных усилий, обогащение за счет чужого труда.

Внешнее проявление совершенного Раскольниковым деяния указывает на наличие корыстного мотива, однако при всей очевидности такого вывода имеются существенные возражения. Мотив, как известно, выполняет две основные функции: побудительную и смыслообразующую. Если корысть была причиной, то личностный смысл действий должен быть связан с материальными благами, и личностное значение должно приобретать все, что касается завладения чужим имуществом. Однако Раскольникова совершенно не интересует похищенное имущество. Для него результат хищения не имеет личностного значения. Не обогащение было побудительным мотивом, но цель его действительно заключалась в завладении чу-

жим имуществом. Мотив и цель могут не совпадать, в большинстве своем корыстному мотиву соответствует такая же цель, но расхождение возможно. Цель завладения имуществом может опосредовать иные побуждения.

Возможно ли совершение данного преступления под влиянием социальных взглядов Родиона Раскольникова? Если оценивать с позиции действующего антиэкстремистского законодательства, то пропаганда исключительности и превосходства либо неполноценности действительно рассматривается как признак экстремистской деятельности. Однако в «теории Раскольникова» не обозначены критерии выделения социальной группы как основание для дискриминации.

Вызывает сомнение, что убийство было обусловлено мотивом социальной ненависти к представителю какой-либо социальной группы. В этой связи обоснование права на совершение преступления представляет собой скорее не мотив преступления, а его мотивировку.

Личность Родиона Раскольникова относится к так называемым «исключенным» в терминологии современной криминологической науки. «Исключенные» — это люди, вытесненные из социальной системы, утратившие с ней социально-полезные связи. Таким образом, перед нами не одержимый идеей фанатик, а человек, пытающийся вырваться из порочного круга социального унижения. С криминологической точки зрения, такой тип преступника относится к самоутверждающемуся типу. Смысл преступного поведения для такого типа личности заключается в доказательстве себе, что он способен это сделать, утвердиться в собственных глазах. Психологической проблемой личности Родиона Раскольникова был своего рода раскол между представлением о себе и его реальным социальным статусом. У Раскольникова имеется явное несоответствие между уровнем притязаний и возможностью их удовлетворения (состояние аномии). Такой разрыв порождает внутренний конфликт, который он пытался разрешить, совершив преступление, доказав себе, что может быть если и не равным, то подобным великим историческим личностям. В силу тех или иных причин Раскольников не смог реализовать свою потребность в самоутверждении в позитивной деятельности и пошел на радикальный разрыв с установками общества.

Если подвести итог юридическому анализу мотивации поведения Родиона Раскольникова, то доминирующим был

мотив самоутверждения, на основе мотива формируется цель убийства и завладения имуществом, а так называемая «теория Раскольникова» представляет собой мотивировку его действий. Для юридической оценки действий мотивировка во внимание не принимается. Обычно в убийствах, сопряженных с разбоем, причинение смерти является вторичной целью, а первичной — корыстная цель завладения имуществом. Здесь же усматривается дихотомия целей без доминирования корыстной цели. Корыстная цель скорее носит побочный характер. Такая нетипичная картина обусловлена тем, что мотивом преступления является не корысть, а самоутверждение.

Тематический блок

«Преподавание романа “Преступление и наказание” в школе и вузе»

Достоевский в Китае: XX век и современность. Особенности преподавания Достоевского в Китае: религия. *Мария Евгеньевна Петрова* (аспирантка факультета китайского языка и литературы Фуданьского университета, КНР, Шанхай. E-mail: 21110110058@m.fudan.edu.cn).

Идея доклада состоит в том, что современное преподавание и толкование «Преступления и наказания» в Китае неразрывно связано с историей изучения Достоевского, так как время интенсивного исследования его творчества пришлось практически исключительно на период построения социализма в Китае. К тому же, социализм в Китае влияет на общество и литературу и по сей день, несмотря на ослабление цензуры.

Доклад уделяет внимание истории изучения Достоевского в Китае с целью исследования предпосылок к возникновению особенностей преподавания «Преступления и наказания» в современном Китае (*Тянь Цуаньчжин*. Перевод и рецепция Достоевского в Китае // Ф.М. Достоевский. Современные китайские исследования. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2012. С. 74–88.).

Вся история изучения Достоевского в Китае современными исследователями делится на три-четыре этапа: начальный этап восприятия, изучение идей Достоевского (этот этап многие иссле-

дователи объединяют с начальным, так как самый первый перевод произведения Достоевского на китайский язык, «Честный вор», был напечатан лишь в 1920 году), спад популярности и зрелый этап восприятия Достоевского (*Чжан Жуньмэй*. Особенности восприятия идей Ф.М. Достоевского в Китае // Вестник РУДН. 2017. №21.3. С. 411–418.).

О начальном этапе знакомства Китая с Достоевским мало что можно сказать. Тогда информация о самом писателе доходила до Поднебесной через переводы с английского и японского языков, а переводов произведений на китайский язык еще не существовало. В 1918 году известный писатель Чжоу Цзожэнь написал первую рецензию на «Преступление и наказание», высоко оценив роман. В этот период в произведениях Достоевского ценили идеи гуманизма, они помогали найти точки соприкосновения с чужой культурой, потому как в Китае распространено конфуцианство, а одной из главных идей конфуцианства является жэнь, или человеколюбие, гуманность. Идеи гуманизма и по сей день являются одним из самых важных пунктов толкования романа при преподавании его в университетах Китая.

С образованием Китайской Народной Республики в 1949 году, ужесточением цензуры и изменениями в обществе Достоевский в Китае был провозглашен «писателем-реакционером». Изучение его творчества было ограничено, а критики лишь повторяли оценки, уже звучавшие с 20-х годов. Это продолжалось вплоть до культурной революции (1966–1976).

После революции достоевистика в Китае начинает новый этап, яркий и живой. Исследователи изучают Достоевского с таких сторон, с которых раньше это было невозможно. Так, в частности, с 80-х годов начинается исследование религии Достоевского (*Ван Чжигэн*. Измерение религии: краткое изложение исследований культуры и поэтики Достоевского в Китае // Иностранная литература. 2006. №1. С. 80–88.). Религия в Китае как таковая — это инородное понятие, потому что конфуцианство и даосизм относятся к традиционным учениям, а не к религиям. Кроме того, запреты на религию в китайском социалистическом обществе привели к тому, что в наше время обычному китайскому студенту требуется огромное количество дополнительных пояснений о специфике религии и ее роли в литературе при толковании произведений Достоевского.

Преподавание теории литературы через шок от непонятного в тексте. *Ольга Анатольевна Меерсон* (профессор русского языка и литературы кафедры славистики Джорджтаунского университета, Вашингтон, США. https://orcid.org/0000-0003-1543-5229, E-mail: meersono@georgetown.edu).

Цель преподавания — остранение того, что читаем: натолкнуть учеников на то, чтобы они читали саму книгу, а не основывали впечатления на прочитанном о ней.

Сейчас эта цель важна вдвойне — чтобы ученики не чувствовали, что им вместо живой поэтики преподносится пережеванный кем-то суррогат.

Парадокс: теория литературы, именно как интерес к языковой и технической стороне поэтики, к методам чтения — спасает от вторичности и полуфабрикатной пережеванности — то есть от суррогатных «разговоров о» произведении. Чем пристальнее мы вглядываемся в сам текст и его устройство, тем свободнее становимся от штампов общих мест, идеологической утилитарности или упрощения в описании его смысла.

Существует опасность и с другой стороны, тоже вторичности восприятия, или же идеологического свойства: теория может нас поработить, заставить свести смысл произведения к её подтверждению — или опровержению, что не многим лучше. Задача — не находить примеры в тексте для подтверждения заинтересовавшей нас теории, а смотреть, какая теория может помочь нам понять загадки текста. Лучший способ для такого применения теоретического подхода — эклектика, применение нескольких теоретических интерпретаций к проблемным местам в тексте, и желательно интерпретаций конфликтных, принципиально высвечивающих разное.

Но прежде всего надо выявить со студентами странности самого текста. Иначе любое приложение любой теории для них актуальным стать не сможет.

В этом докладе я разберу уроки пристального чтения со студентами — совершенно конкретного отрывка из «Преступления и наказания». Это — сравнение коротких глав, 3 и 4, в первой части романа — письма Пульхерии Александровны сыну в гл. 3 и его реакции на это письмо в гл. 4.

Такой конкретный разбор, с описанием вопросов и возможных заданий по тексту для работы как дома, так и на занятиях, позволит понять, что́ именно пристальное чтение конкретного отрывка может

дать в понимании (a) поэтики произведения в целом, (b) поэтики автора в том, что ей общо по всем или многим произведениям и наконец (c) чтó теория как инструментарий, а не идеология «правильного» прочтения, даёт методам такого пристального чтения[7].

«Преступление и наказание» в школе осмысленного чтения (первая часть романа). *Владимир Александрович Викторович* (доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна. https://orcid.org/0000-0001-9576-9522, E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru).

Многолетняя вузовская практика ведет к неутешительному заключению: чтение новых поколений в массе своей становится всё более поверхностным, скользящим, размагниченным, примерно так мы просматриваем ленту новостей в компьютере. Школа, средняя и высшая, не должна плыть по течению, ей положено противостоять интеллектуальной стагнации всеми имеющимися средствами. Одно из них — культивирование осмысленного чтения, сопровождаемого рефлексией: почему написано так, а не иначе.

Не только начало, но вся первая часть романа «Преступление и наказание» представляет собою *пробу*, в том числе само преступление («я только *попробовать* сходил» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]). При осмысленном чтении важно понять, **что** пробует Раскольников и **куда** ведет его проба. Понимание может прийти, только когда мы анализируем направление сюжета и значение каждого из составляющих его событий. Достоевский в первой части романа выстраивает сюжет как цепь загадочных для читателя поступков героя, поскольку смысл пробы открывается только в конце части. (Согласно жанровой дефиниции Бахтина, «роман спекулирует категорией незнания»). Одна загадка следует за другой, и можно, конечно, их проигнорировать, но это приведет к «невстрече» с Достоевским. Наш выбор: остановиться, задуматься над предложенными задачами. Так, умственного труда потребует ключевая фраза «коли действительно не *подлец* человек, <…>, то значит, что остальное всё — предрассудки, <…> и нет никаких преград <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25]. Писатель нас интригует, вовле-

[7] На основании доклада опубликована статья: [Меерсон, 2023].

кает в мыслительный процесс, род сотворчества. Этой особенностью текста грех не воспользоваться школе и вузу.

С целью визуализации результатов анализа вдумчиво читаемой первой части предлагаем ученикам разделить пополам страницу тетради (дублируя на доске); левую колонку озаглавим «contra», правую — «pro», т. е. «против» и «за» преступление. Каждый поворот сюжета стремит Раскольникова в ту или другую сторону, подталкивает к тому или другому отношению к «идее», именно этот смысл мы должны извлечь из словесного ряда (описание, повествование, речи героев). Границы и условное именование анализируемого эпизода задает преподаватель, ученики обсуждают, в какую сторону ведет данный эпизод, «за» или «против». Важен не только результат заполнения колонок, но и приводимые аргументы. В итоге получается следующая схема:

Contra	Pro
1. Отвращение от «пробы»	2. Исповедь Мармеладова
5. Желание пойти к Разумихину	3. Письмо от матери
6. Сон	4. Девочка на бульваре

Мы приходим к выводу, что непосредственно перед полученным случайно сведением («завтра, в таком-то часу, такая-то старуха <…> будет дома одна-одинехонька» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 52]), вдруг спровоцировавшим преступление, Раскольников пребывает в состоянии динамического равновесия: сколько доводов «за», столько же и «против». Последними оказываются доводы «против» (5, 6), но *случай* (7) вмиг упраздняет мучительную душевную распрю. Случай, по Пушкину, «бог изобретатель», а здесь — демон зла («меня черт тащил» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 52]), изобретательно переложивший теорию в практику. Неслучайность случая открывается в художественной реальности (можно развить тему «роль случая в сюжете»).

Само преступление, как оно описано в романе (8), вновь отвращает от «идеи», и равновесие восстанавливается (pro–7, contra–8). Маятник Раскольникова раскачивается вплоть до последних страниц романа, до апокалипсического сна героя («не могли согласиться, что считать злом, что добром» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 420]), после чего качание резко замедлится («Вместо диалектики наступила жизнь <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 420]).

Внимательно взглянув на фабульную схему первой части, мы заметим принципиальное отличие левой стороны от правой. Доводы «за» диктует социальная действительность, толкающая к *идее*, а доводы «против» — сопротивляющаяся *природа* человека.

«Преступление и наказание» Фёдора Достоевского в контексте юридического образования в Узбекистане. *Нодир Рамазанов* (доктор философии (PhD) по филологии, доцент, заведующий кафедрой узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета, Узбекистан. https://orcid.org/0000-0002-5556-188X, E-mail: n.ramazanov@tsul.uz).

Введение: «Преступление и наказание» в рамках юридического образования.

Раздел 1. Мир образов и героев романа:

а) Миколка: отчаяние или следование пути Христа?

б) Лебезятников: декаданс или странный инструмент Бога?

в) Темная строна человеческого бытия: Свидригайлов и Лужин.

г) Раскольников: борьба души и разума, отравленного незаконченной идеей.

д) Порфирий Петрович и Раскольников: три судьбоносных встречи.

Выводы 1-раздела: Образы и герои романа как потенциальные типы людей правосферы.

Раздел 2. Преступление Раскольникова: предполагаемый план совершения и реальный порядок событий.

а) Принципы построения плана преступления Раскольниковым.

б) Отклонения и ошибки осуществления: где роковая ошибка Раскольникова?

в) Гипотетические проекты правильного построения плана преступления Раскольникова: как бы вы поступили на его месте? (исправляем его ошибки).

Выводы 2-раздела: Между замыслом преступления и реальным исполнением: отклонение от плана и есть ключ к разгадке.

Раздел 3. Экскурс в подсознание Раскольникова: психология имплицитной личности.

а) Сны Раскольникова как ключ к разгадке тайны его натуры: душа или разум?

б) Соня как олицетворение мирского и божественного: от грехопадения к Свету.

в) Образ Раскольникова как социально-политический маркер.
г) Идеи суфизма и Достоевского: выстраданный Бог.
Выводы 3-раздела: Живая душа и есть смысл Вселенной
Заключение: Мавлоно Достоевский и современность.

Преподавание «Преступления и наказания»: опыт анализа романа на практических занятиях спецсеминара по творчеству Достоевского на филологического факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. *Александр Борисович Криницын* (д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. https://orcid.org/0000-0003-0262-5058, E-mail: derselbe@list.ru).

Данный опыт интересен тем, что имеет целью наиболее углубленный и профессиональный из возможных разбор проблематики романа в рамках его преподавания: учащиеся — будущие ученые, специализирующиеся по творчеству Достоевского. Это представляет как широкий спектр возможностей — освещать спорные моменты, порой трудные для понимания школьников или до сих пор дискутируемые в достоевистике, так и ряд трудностей, обусловленных как раз обязательным и подробным прохождением именно данного романа в средней школе. У студентов со школы формируется устойчивый набор стереотипов его истолкования, уверенность в достаточности своих знаний о нем и некоторая «усталость» от его «хрестоматийности», из-за чего на занятиях спецсеминара «Преступление и наказание» традиционно изучается последним из романов «пятикнижия». Основной акцент делается на сопоставлении «Преступления и наказания» с остальными романами, в результате чего по-новому выявляется его специфика. Таким образом, разбор «Преступления и наказания» в рамках высшей школы, с одной стороны, прямо коррелирует с изучением его в средней, а с другой — имеет ряд принципиальных отличий.

Иллюстрации М. Шемякина к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и Наказание» в восприятии современных студентов. *Валентина Васильевна Борисова* (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ГМИРЛИ им. В.И. Даля (отдел «Московский дом Достоевского»), профессор МГЛУ, Москва; главный научный сотрудник БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа. http://orcid.org/0000-0002-9011-0160, E-mail: vvb1604@gmail.com).

С 11 ноября 2021 года в Московском доме Достоевского функционирует оригинальная выставка — авторская инсталляция М. Шемякина, представляющая собой серию иллюстраций к роману «Преступление и Наказание». Художник назвал ее «Наваждения Раскольникова», хотя она включает в себя и триптих «Сны Свидригайлова». Сосредоточившись на снах и видениях героев Достоевского, М. Шемякин воспроизвел в визуальных образах мистический сюжет произведения писателя. В рисунках М. Шемякина нет реалистической эстетики, в них преобладают знаково-символические формы, изначально предполагающие разное восприятие и разные интерпретации, порой расходящиеся между собой по принципу «pro et contra».

Показательным примером отражения такого «рецептивного конфликта» являются эстетические реакции современных студентов (это переводческий факультет МГЛУ), у которых иллюстрации М. Шемякина вызвали неподдельный интерес. В своих отзывах они соотносят впечатления от графических рисунков художника с опытом постижения романа «Преступление и Наказание» в школе, в большинстве случаев признаваясь, что он открылся им с новой, неожиданной стороны, в отражении той «высшей реальности», о которой в течение двух тысяч лет повествует нам Евангелие.

Результаты анализа эссе студентов, написанных после посещения выставки, свидетельствуют о том, что, несмотря на разницу мнений и оценок, отношение современной молодежи к творчеству Достоевского, преломленному в искусстве М. Шемякина, в целом вполне соответствует необходимому «спектру адекватности», подтверждая потенциал актуального прочтения романа «Преступление и Наказание» в XXI веке.

«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в школьном учебнике и не только: вопросы поэтики и методики. *Елена Геннадьевна Чернышева* (доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской классической литературы, директор Института филологии Московского педагогического государственного университета, Москва. E-mail: el.chernysheva@yandex.ru).

Роман «Преступление и наказание» входит в Примерную рабочую программу среднего общего образования по Литературе 10 класса (базовый и углубленный уровни) (одобрены решением федерального учебно-методического объединения по общему об-

разованию, протокол 7/22 от 29.09.2022), долгие годы оставаясь единственным целостным романным текстом, предназначенным для системного изучения в предвыпускном классе.

При наличии вариативных учебников, которые существовали около трех десятилетий в российском пространстве среднего общего образования, разброс характеристик поэтики и смыслонесущих идей в учебных книгах был довольно велик. Но общими были социальные, нравственные, психологические модусы содержания, романная поэтика характеризовалась вниманием к характеру бунтующего героя-индивидуалиста, прорисованному в сюжетно разветвленном, как и положено роману, нарративе, где столкновение элитарной идеи с другими «правдами» формировало острую конфликтность как внешнего, так и внутриличностного свойства. Поворот литературоведения к духовным модусам, религиозной составляющей картины мира романа, скрепленного противоречиями сознания, мятущегося между верой и отступничеством, между эгоцентризмом и подлинным человеколюбием и пр. обусловил существенное изменение аналитического подхода, необходимого для школьного учебника. Экзистенциальные смыслы, мифопоэтика, основанная, прежде всего, на христианской основе, поэтика топоса, отсылающая к тем же мифологическим основаниям, парадоксы стиля, основанные на парадоксах сознания, опрокинутых в напряженной рефлексии и в экстравагантных поступках и др. представлены в современных учебных книгах как важнейшие аспекты, требуемые для освоения компетенций старшеклассников.

Новые методические принципы и приемы, восходящие не к знаниевой, а к деятельностной парадигме образования, требуют многих актуальных способов подачи материала, заданий проектного характера, работы над «взвихренной речью» героев романа, креативных письменных работ, групповых заданий, кейс-заданий, поисковой индивидуальной рефлексии.

Актуальная методическая работа, направленная на освоение художественного целого романа, завершается оценкой этого освоения в ходе проверочных работ, а также в формате ЕГЭ. При всех минусах приближенной к формализованному формату проверки, письменные работы по фрагменту текста романа (аспектный анализ и сопоставительный анализ) и проблемное сочинение, достаточно объемное, позволяют в идеале адекватно проверить сформированные компетенции. Однако задания ЕГЭ по роману Достоевского

чаще не соответствуют индивидуальным запросам и способностям одаренных старшеклассников.

Очевидна некоторая однотипность и «боязнь» из «политкорректности» затронуть сложные вопросы романного содержания: организации социума или внутреннего мира человека, тем более — вопросы духовно-религиозного характера.

Локальный контекст «Преступления и наказания» (к вопросу о путях изучения романа в школе)[8]**.** *Альбина Станиславовна Бессонова* (кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна. https://orcid.org/0000-0002-2925-3162, E-mail: abessonova13@mail.ru).

Преподавание литературы в современной школе пребывает в глубоком кризисе. Это вызвано рядом причин: тут и отношение к предмету со стороны учеников и родителей как к периферийному с точки зрения нужности-ненужности, и неспособность детей осваивать большие тексты в силу утраты навыка беглого и осмысленного чтения, и неумение понимать собеседника, в роли которого выступает писатель-классик. Традиционные списки летнего чтения с подачи родительского сообщества управление образования объявляет не обязательными, а рекомендательными: дети во время каникул должны отдыхать. Иными словами, чтение как традиционный вид культурного отдыха безвозвратно упразднено и воспринимается как ущемление прав обучающихся.

Работа на уроке с текстами классической литературы превращается в перевод с русского на русский, поскольку, даже готовясь к уроку, ученики не дают себе труда найти в интернете значение непонятного слова. О полном незнании исторического контекста говорить не приходится. И если в младших классах учитель ещё как-то способен преодолеть эту духовную апатию нечитающих детей на уроке (тексты небольшие по объёму), то к 10 классу, когда изучается роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», ситуация становится подчас неразрешимой. Как можно обсуждать проблематику и художественные особенности сложнейшего произ-

[8] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ на базе Государственного социально-гуманитарного университета в рамках проекта № 23-28-00699 «Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании».

ведения, содержание которого дети не знают или, в лучшем случае, наспех освоили перед уроком по краткому примитивному пересказу в интернете?

В данных обстоятельствах в принципе меняется целеполагание и структура уроков литературы. Заинтересовать художественным текстом, сподвигнуть на чтение, дать ключ к пониманию слова Достоевского в надежде, что этим ключом воспользуются, — сейчас это программа-максимум в среднестатистической школе на уроках по «Преступлению и наказанию».

Что же в романе может вызвать интерес у современных школьников? Старшеклассникам подмосковным, особенно зарайским в этом смысле повезло: в «Преступлении и наказании» помимо главного, петербургского, есть ещё и локальный, зарайский контекст, истоки которого в детских впечатлениях писателя. Об этом был наш доклад («Зарайский контекст “Преступления и наказания”») на предыдущей конференции ИМЛИ, посвящённой роману Достоевского. Чтение и анализ эпизодов первой части произведения — «Сон Раскольникова» и «Письмо матери» — с акцентом на зарайские реалии, отражённые в них, способны заинтересовать на начальном этапе освоения «Преступления и наказания». В ходе дальнейшей работы можно выделить эпизоды с красильщиком Миколкой, который по большей части присутствует в романе опосредованно — в рассказах других персонажей, однако становится одним из смысловых центров всего произведения со своей идеей «пострадать надо». Данное тематическое направление уроков по «Преступлению и наказанию» позволяет использовать не только литературоведческий, но и лингвистический анализ текста: Достоевский при создании образа красильщика Миколки нередко прибегает к народной, диалектной речи, некоторые элементы которой напрямую указывают на южнорусский говор Рязанско-Тульского пограничья, где прошло деревенское детство Ф.М. Достоевского.

Данная форма работы апробируется в настоящее время в ходе лектория «Чтение гения» в Музее-заповеднике «Зарайский кремль»: возрождая традицию семейного чтения вслух, о которой вспоминают А.М. и Ф.М. Достоевские, мы через анализ локального, зарайского контекста отдельных эпизодов «Преступления и наказания», с одной стороны, активизируем интерес к роману, а с другой, выявляем ключевые идеи Достоевского, прорастающие в малой сюжетно-композиционной единице, какой является эпизод.

Как вызвать интерес обучающихся к прочтению объемного романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. *Татьяна Николаевна Флегентова* (учитель русского языка и литературы, Православная гимназия имени равноапостольных Кирилла и Мефодия, Кемерово. E-mail: flegen@rambler.ru).

В зависимости от образовательных программ, принятых в конкретном образовательном учреждении среднего общего образования, знакомство с романом Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание» происходит во второй половине учебного года 10 класса.

К первому уроку (в календарно-тематическом планировании он обозначен как «Знакомство с творчеством и биографией Ф.М. Достоевского») обучающиеся должны прочитать 1 часть романа «Преступление и наказание». По опыту текущего учебного года могу сказать, что это случается не всегда. К сожалению, интерес десятиклассников к большим эпическим формам успевает полностью реализоваться после прочтения предыдущих программных произведений (романы «Отцы и дети» и «Обломов» И.С. Тургенева и И.А. Гончарова, соответственно). Настоящую проблему в определенной степени мне удалось решить несколькими способами.

Знакомство с творчеством и биографией писателя было построено не на традиционном для образовательного учреждения рассказе о жизненных этапах Ф.М. Достоевского, а на развенчании общеизвестных «легенд», сложившихся вокруг личности писателя. Например, «Ф.М. Достоевский пишет о пьяницах, нищих и нравственно погибших людях. Он и сам такой». В качестве домашнего задания было предложено десятиклассникам собрать подобные истории или ставшие известными цитаты из романов Достоевского. На уроке они поделились «находками»: «мир спасет красота», «что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» и другие. Многое из того, что было ими найдено, — широко известные заблуждения, которые все еще распространены. Следует отметить, что участниками их опроса стали люди ближайшего окружения — взрослые родители, которые помнят о Достоевском и его романе «Преступление и наказание» со школьных времен. Мнение о Достоевском как о тяжелом «кровавом» сложном писателе сохраняется. На уроке с обучающимся мы выбрали путь развенчания устоявшихся точек зрения. Подобная стратегия помогла мне заинтересовать учеников личностью Достоевского. Неоднозначность его личности в глазах обучающихся сделала его

более живым, а не просто «очередным» великим писателем русской литературы. Писатели и поэты, творчество которых изучается в школе, воспринимаются учениками максимально отстраненно: слово «великий» для многих школьников становится синонимом слова «идеальный».

Кульминационной точкой урока стало мое сообщение о мероприятии, проводившемся в прошлом году в одном из культурных центров города. Событие представляло собой театрализованное представление, посвященное жизни Ф.М. Достоевского. Я натолкнулась на объявление в одной социальной сети, и оно меня привлекло, прежде всего, тем, что организаторы приглашали участников мероприятия «погрузиться в атмосферу романов Достоевского и насладиться ароматным *травяным* чаем, *какой любил пить писатель*». Таким образом, мне удалось создать для обучающихся ситуацию, которая, с одной стороны, отвечает их возрастным особенностям (борьба со стереотипами) и с другой — показывает важность их собственного мнения, а значит, мотивирует на самостоятельное прочтение произведения.

Для глубокого понимания романа в своей педагогической практике я использую мнемоническую функцию эмблемы (механизм хранения информации, включающий рисунок — изобразительный элемент и подпись — вербальный элемент). Работа с обучающимися по данному методу строится на материале, представленном в V главе первой части романа «Преступление и наказание», ключевым моментом которого становится сон Раскольникова. В ходе урока обучающиеся постепенно при помощи дополнительных канцелярских инструментов (цветные карандаши, ручки, фломастеры и т.д.) создают визуальное наполнение словесных образов Ф.М. Достоевского. Медленное вдумчивое чтение фрагмента позволяет детально воспроизвести ситуацию сна Раскольникова и отметить определяющие смысловые точки, значение которых раскрывается в произведении. Создание эмблематической модели можно описать как попытку обучающегося восстановить в распадающемся на отдельные объекты художественном мире систему визуальных образов, в которой каждый из них обнаруживает в себе дополнительный смысловой потенциал.

В результате подобной интерпретационной стратегии: работы с вербальным элементом (фрагмент романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») и создание визуального элемента

(картинка, проект, макет, схема в зависимости от художественных способностей обучающегося), в котором оба структурных компонента эмблемы представляют собой смысловую систему, значительно углубляющую понимание романа писателя. Помимо обозначенной практической значимости создание эмблемы в общем виде является универсальным мнемоническим приемом.

Когда пройден этап, который условно можно назвать «замотивировать к прочтению произведения», я знакомлю обучающихся с научной точкой зрения. В этом мне помогают работы ведущих исследователей творчества Ф.М. Достоевского: например, «Путеводитель по роману “Преступление и наказание”» К.А. Степаняна и «Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского» Т.А. Касаткиной.

В настоящий момент планирую вернуться к получившимся эмблемам тогда, когда мы с обучающимися будем рассматривать эпилог романа.

Специфика образовательного учреждения, в котором я работаю, позволяет мне приглашать на уроки литературы духовника гимназии — Фадеева Михаила Сергеевича. Будет справедливым отметить тот факт, что обучающиеся православной гимназии погружены в христианскую культуру, и мне не приходится отвлекаться на дополнительные объяснения. В текущем учебном году я привлекла духовника на урок, в котором мы беседовали по главе, посвященной чтению Евангелия Соней Мармеладовой.

В современных условиях учитель литературы стоит перед сложной задачей — необходимость находить различные способы, чтобы мотивировать старшеклассников читать классические произведения. Способы, которые использую я в своей педагогической деятельности, являются универсальными и рабочими.

«Преступление и наказание» в контексте комплексного анализа произведений Ф.М. Достоевского в школе. *Светлана Владимировна Капустина* (кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь. https://orcid.org/0000-0002-0608-5258, E-mail: kapustina_s_v@mail.ru).

«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского аттестуется разработчиками ФГОС как произведение, «занявшее в силу

традиции особое место в школьном преподавании литературы» (Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. 239 с. с. 237. URL: https://fgosreestr.ru/ (дата обращения: 13.02.2023)). Этот статус учтен в подавляющем большинстве авторских программ, рекомендующих педагогу-словеснику знакомить обучающихся с этим романом в 10-м классе. В немногочисленных методических разработках «Преступление и наказание» — первое и единственное обращение к творчеству Ф.М. Достоевского в средней школе. Такое решение крайне сложно оправдать, поскольку художественное наследие «реалиста в высшем смысле» системно и эйдологически спаяно, а «Преступление и наказание» — одно из вершинных произведений, в котором синтезируются и «полифонизируются» те находки и открытия автора, которые более акцентированно воплощены, например, в малой прозе «Дневника Писателя». Именно поэтому приступать к изучению «Преступления и наказания» в школе, минуя знакомство с меньшими по объему, но эйдологически иллюстративными и аксиологически выразительными произведениями Ф.М. Достоевского, так же непредусмотрительно, как, например, читать электронную энциклопедию без возможности использования поясняющих гиперссылок.

Чаще в методических штудиях предлагается ограничить школьный достоевсковедческий вектор произведениями «Белые ночи» и «Преступление и наказание» (См. программы под ред. В.Я. Коровиной <*«Белые ночи», 9 класс — «Преступление и наказание», 10 класс*>; под ред. В.Г. Маранцмана <*«Белые ночи», 9 класс — «Преступление и наказание», 10 класс*> и др.). Однако может ли сентиментальный роман «Белые ночи» стать своеобразной эйдологической преамбулой к «Преступлению и наказанию»? Если принимать во внимание положительную коннотацию феномена «мечтательство», то это произведение имеет гораздо больше точек пересечения с романом «Идиот» и, думается, может именно с ним составить завершающий отрезок «школьной достоевсковедческой линии», альтернативной той, которую венчает «Преступление и наказание».

Тем не менее, в современном литературоведении популярен тезис о том, что «...мечтатель поздних произведений писателя — мечтатель “с подпольем”. При столкновении с живой жизнью он налагает на нее схемы, планы, “пелену” выношенных и предвзятых идей и, упиваясь горячими восторгами и страданиями в воображении, “думает о живой жизни, что она подождет”» (Мазель Р.О.

О всех и за вся. М.: Волшебный фонарь. 2007. 191 с.; с. 113). Однако транслировать юным читателям исследовательские утверждения о прямом генетическом родстве Мечтателя из ранней прозы Ф.М. Достоевского и идеолога из поздней, значит, «выпрямлять» замысел писателя, предаваться излишней типологизации, избегать столь значимых для достоевсковедения нюансов. Да, формула «герой-идеолог = обиженный на жизнь мечтатель + разумный эгоист» (Косяков С.А. Мечтатель и его трансформации в творчестве Ф. М. Достоевского: автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Воронеж. 2009. 22 с.; с. 12) отчасти верна, но это совсем не означает, что единственный открытый путь для героя «Белых ночей» — умствования, губительные масштабы которых проверяются на практике преступлением. Предполагаем, что именно этот *тип мечтателя* имеет бóльшие потенции положительно прекрасного героя, нежели ментального экспериментатора, пролившего «кровь по совести».

Если же рассматривать «Преступление и наказание» в контексте комплексного анализа произведений Ф.М. Достоевского в школе, актуализируется вопрос о моделировании системы «подготавливающих» текстов и их соответствии возрастным приоритетам школьников. Думается, при решении этого вопроса необходимо учесть «автобиблиографическую подсказку» самого писателя, лелеявшего мечту «выбрать из своих сочинений, которые можно было бы дать в руки детям 12–14 лет» (цит. по: Вассена Р. Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания, составленного А.Г. Достоевской (1883) // Неизвестный Достоевский. 2019. №3. С. 116–139.; с.117). А.Г. Достоевская перед смертью супруга получила от него наставления относительно содержания Сборника: «Для детской книжки: Неточка Незван<ова>. Коля Красот<кин>. Смерть Илюшечки. Мальчик у Христа. Мужик Марей. Столетняя. Маленький герой» (там же). Исполнением воли умершего стало издание «Русским детям: из сочинений Ф.М. Достоевского», вышедшее в 1883-м году.

Примечательно, что из перечисленных самим классиком текстов можно составить школьный достоевсковедческий блок, «притяжениями и созвучиями» настраивающий на понимание и толкование, во-первых, образа Раскольникова (противоречия, ведущие к бунту; добровольная оторванность от «живой жизни»; соблазнение идеей беспорядка при перспективе возрождения); во-вторых, — ключевых

мотивов (одиночество = «деление на эгоизмы»; лже-умствования; самопревозношение; грехопадение; жажда очищения; раскаяние); в-третьих, специфических способов изображения диалектики внешнего и внутреннего (антураж Петербурга; ракурс сновидения; диалог героя и ребенка и т.д.).

Оптимальным представляется школьный достоевсковедческий блок, состоящий из следующих контрольных точек: «Столетняя» (5 класс) — «Мальчик у Христа на елке» (5/6 класс) — «Мужик Марей» (6 класс) — «Мальчики» (6/7 класс) — «Неточка Незванова» (7 класс) — «История купца Скотобойникова» (8 класс) — «Сон смешного человека» (9 класс) — «Преступление и наказание» (10 класс).

Использование технологий коучинга при изучении романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Ирина Валерьевна Кузина* (кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и педагогии профессионального образования психолого-педагогического факультета Национального исследовательского нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал. E-mail: irinaval52@mail.ru), *Валентина Федоровна Миронычева* (кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и педагогии профессионального образования психолого-педагогического факультета Национального исследовательского нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал. E-mail: mironycheva52@mail.ru), *Наталия Викторовна Федосеева* (кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и педагогии профессионального образования психолого-педагогического факультета Национального исследовательского нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал. E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru).

Изучение русской классической литературы как на школьном уроке, так и в вузе вызывает определенные трудности, связанные с умением понимать художественный текст и вычленять мировоззренческую составляющую. Особое место занимает роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», знакомство с которым начинается в старшем подростковом возрасте, когда происходит переосмысление ценностей, характеризующееся юношеским максимализмом. От того, как произведение великого писателя «войдет» в жизнь (впечатления, эмоции, переживания и прочее), зависит

дальнейшее обращение как к самому роману, так и к творчеству Ф.М. Достоевского в целом.

От учителя литературы в настоящее время требуется владение современными технологиями (медийными, информационно-коммуникационными, технологиями формирования системного, критического мышления и др.), которые нацелены на мотивацию к прочтению текста, а в дальнейшем на адекватное его понимание и объективное восприятие. Как показывает практика, сделать занятия эффективными помогают коучинговые технологии. Особого внимания заслуживает техника «Колесо жизненного баланса», интерпретированная и переосмысленная для урока литературы. Для учителя важно на первом уроке акцентировать внимание на том, что, с одной стороны, большинству мало знакомо, а с другой — есть определенные знания, например, сюжета, основной идеи, образа Раскольникова. Предлагаем на листе нарисовать круг, разделить его на восемь областей и из предложенного списка выбрать нужное для изучения «Преступления и наказания»: полное прочтение романа, история создания, знание сюжета, понимание идеи, объективное восприятие взглядов Раскольникова, умение формулировать нравственные идеи, целостное восприятие романа, идейно-художественный анализ, знакомство с медийными репрезентациями, понимание, чем роман Ф.М. Достоевского отличается от медиатекстов, созданных по мотивам произведения и др. На этапе совместного выбора выстраивается логика изучения, определяются основные проблемы. Далее предлагаем старшеклассникам по десятибалльной шкале оценить, на каком уровне они находятся в каждой из выделенных областей. Как правило, «западают» история создания, полное прочтение и объективное восприятие взглядов Раскольникова. Ценность техники заключается в том, что по мере работы над (условно можно назвать) «Колесом романа «Преступление и наказание» учащиеся сами мотивируют домашнее задание, которое нацелено на эффективное изучение произведения. Важно отметить, что такая работа используется дважды: на первом занятии и на заключительном, что позволяет проследить результативность изучения текста.

Особый интерес представляет метод нейрографики. Предлагаем, используя, например, восемь основных цветов из теста Люшера, на листе изобразить ассоциацию «Я и роман Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"». Данный вид деятельности можно

включать на этапе обращения к взглядам Раскольникова для того, чтобы, во-первых, попробовать разобраться, как «работает» подсознание; во-вторых, понять, как может изменяться точка зрения на разные идеи, явления, действия.

Применение коучинговых технологий, метода нейрографики и других техник и приемов, активно включающихся в канву изучения произведения, позволяет актуализировать проблематику русской классической литературы, её особый психологизм.

Методические ходы в изучении романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Марина Федоровна Коточигова* (учитель русского языка и литературы, руководитель театрального кружка «Творческая мастерская» МКОУ «ООШ», Форносовский ЦО Тосненского района Ленинградской области. E-mail: kotochigovamf@yandex.ru).

Очарованная статьей профессора А.Л. Погодина из книги «Русские эмигранты о Достоевском», я выстроила урок литературы в 10 классе «От Фурье к Серафиму Саровскому», посвященный эволюции Достоевского, применив арт-технологию. Такая технология предполагает сюрпризность в подаче новой информации, актуализируется биографический материал о писателе в необычном контексте. В рамках этого урока мне показалась возможной встреча Достоевского-петрашевца со своим будущим героем Разумихиным, который станет носителем духовного опыта писателя.

Ведущий: Я представляю молодого интеллектуала и весьма перспективного писателя Ф.М. Достоевского, увлеченного идеями социалиста-утописта Шарля Фурье. Он занимался неосуществимыми проектами.

Достоевский: Неосуществимыми, но любопытными. Особенно меня потрясла его утопическая конструкция земного рая.

Ведущий: Вы серьезно, Федор Михайлович?

Достоевский: Не мне одному был близок фурьеристский идеал. С 1844 года мы собирались у Петрашевского по пятницам...

Ведущий: И смели говорить о неправильно устроенном обществе?

Достоевский: Конечно. Согласитесь, господин ведущий, что капитализм не является последней стадией в развитии человечества. Он всего лишь ступень к обществу всеобщей гармонии. Мы создадим трудовые ассоциации-фаланги. (Открывает записную книжку.)

Видите? В каждой фаланге поселяется примерно1600 человек. Фаланги формируются вокруг своего центра – фаланстера.

Ведущий: Почему 1600?

Достоевский: Как почему? Фурье описал 12 страстей, которые образуют 810 базовых характеров. Умножаем на 2, получаем 1620. Путь к счастью не в преодолении своей природы, а, напротив, в том, чтобы совпасть со своей природой.

Ведущий: Вы серьезно, Федор Михайлович, считаете, что «если общество нормально построить, то разом все преступления исчезнут?»

Достоевский: Труд в нашем обществе лишен привлекательности. В фалангах он будет полон разнообразия. Разумно организованное население преобразует отдельные поселения, затем всю страну, все континенты.

Появляется Разумихин.

Разумихин: Здравствуйте, господа! Позвольте поспорить. «Натура не берется в расчет <...> С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион <...> Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 197].

Достоевский: Кто Вы, дерзкий юноша?

Разумихин: Я герой Ваш, Разумихин Дмитрий Прокофьич.

Достоевский: Не припомню такого.

Разумихин: Вы не можете меня помнить. Роман, в котором будем жить я и мой друг Раскольников, вы задумаете «в тяжелую минуту грусти и саморазложения» на нарах в Омском остроге.

Достоевский: Вы вздор говорите, юноша. Я благонадежный монархист, христианин. Какой острог?

Господин ведущий, Вы-то, надеюсь, не верите в эти пророчества?

Ведущий: Дела Ваши плохи, Федор Михайлович. Фурье, изобретая рецепт идеального общества, договорится до того, что пообещает соленую воду в лимонад превратить. А Вы за увлечение его идеями сядете на восемь месяцев в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Достоевский: Вы не видите сути, господа. «Все социальные книги написаны умно, горячо и нередко с неподдельной любовью к человечеству» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 183]. И если за человеколюбие придется расплатиться свободой, я готов к аресту и выслушаю приговор без малейшего раскаяния.

Разумихин: Дорогой Федор Михайлович, не ходите больше к Петрашевскому.

Достоевский: Я непременно там буду. Я еще письмо Белинского Гоголю не читал своим товарищам. Между прочим, весьма любопытный литературный документ. Если нас, петрашевцев, не арестуют, мы построим в России фаланстер. До свидания, господа!

Ведущий: Пока Достоевский идет навстречу своей судьбе, мы с Дмитрием Разумихиным предлагаем обсудить вопросы в группах.

1.Что объединяло Фурье и Достоевского?

2.Почему отмену смертной казни петрашевцев Достоевский посчитал «ругательством, безобразным, ненужным и напрасным» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 21]?

3.Что было хуже для Достоевского в Омском остроге? Невозможность иметь книгу? Одиночество? Голод? Холод? Самая черная работа? А для вас что самое страшное? (расставьте приоритеты)

4.Как поменялись мировоззренческие позиции писателя на каторге?

Следующий урок можно назвать «Нашего времени случай-с», предложив учащимся побывать в роли православных врачей. Им предстоит заполнить медицинскую карту пациента Раскольникова, описав состояние героя, симптомы его «болезни», диагноз, лечение, используя слова Сони, Порфирия Петровича, самого Раскольникова; дать рекомендации современным читателям, подобрав высказывания или притчи православных священнослужителей.

Возможен урок, посвященный созданию коллажа «Город полусумасшедших». Безумна ли Соня, сидящая над «смрадной ямой» и не падающая в нее, потому что она свеча, воспламеняющая другие свечи? Насколько безумен Раскольников, отравивший свой мозг дьявольской теорией, но не погасивший в сердце своем искры любви к людям? «На мне нет грехов» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 333], — кричит Катерина Ивановна. Она кричит потому, что обезумела от внутреннего мрака? Найдется ли место в этом коллаже Достоевскому, «воскресшему из мертвых» на каторге?

Учащиеся «заселяют» город героями романа, отвечая на вопросы: «Что такое “безумие” с точки зрения православных?»

Использование приемов исследовательского метода в изучении романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». *Эллина Эмировна Карасаева* (преподаватель русского языка и лите-

ратуры Актюбинского гуманитарного колледжа, Актюбинск. E-mail: Ellinakar@mail.ru).

Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» требует внимательного чтения, глубокой аналитической работы, погружения в «мыслетворчество» писателя, соединения авторской позиции со своим видением. На уроках изучения романа «Преступление и наказание» нужно акцентировать внимание учащихся на выражение мысли героев: интонации, слова, движения, поступки — все должно войти в сознание и отождествление этого сознания с «существующей правдой жизни».

Поскольку диалог и монолог — основные формы «многоголосого» романа, поэтому все внимание в исследовании необходимо сосредоточить на речи героев и авторском сопровождении этой речи (см.: Фокин П.Е. Достоевский. Перепрочтение. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2018. 287 с.). С первой минуты знакомства с Раскольниковым читатель чувствует какую-то напряженность: в поведении героя ощущается смятение и прослеживаются нравственные «перебежки» от позиции непринятия до позиции оправдания. На уроке учащимся предлагается заполнить таблицу, разместив выражение контрастных чувств в две противоположные колонки, после этого нужно понять, кому принадлежат слова: настоящему Раскольникову или его двойнику. После некоторых размышлений учащиеся понимают, что сам Раскольников в душе отвергает идею об убийстве, тогда как его двойник, мыслящий и действующий по обстоятельствам извне, настроен более чем решительно.

Таблицу можно расширять и дополнять другими фактами и действиями: сцена убийства старухи-процентщицы и ее сестры, сцена признания Соне и др.

Работая над психологически напряженными эпизодами убийства и признания Раскольникова Соне, можно предложить сравнить жесты и движения Сони и Лизаветы. Открытием для учащихся станут зеркально отраженные жесты двух героинь, но задача заключается не в том, чтобы только увидеть это: нужно понять, почему автор использовал такой художественный прием. Эвристическая беседа станет еще одной ступенькой к пониманию идеи произведения.

– Почему автор намеренно сопоставляет эти два эпизода?

– Почему в эпизоде признания Раскольникова Соне упоминается Лизавета?

– Почему движения Сони напоминают движения Лизаветы?

– Что символизирует рука в религии? (для уточнения используется Мегаэнциклопедия)

– Что символизирует этот жест Лизаветы и Сони? О чем он говорит?

– Какие слова мы можем подобрать и записать вместо многоточия? (прощение)

Учащиеся приходят к выводу о том, что в этом жесте прочитывается желание отстранить преступника от себя, не дав тем самым осуществиться задуманному злодеянию. Лизавета за преступника, убийцу своего, просит прощения у Бога, потому что страдать будет он. Соня повторяет это движение, потому что чувствует глубину страданий Раскольникова, она в лице Лизаветы повторила ее последнее желание простить его.

Анализ и проблемные вопросы позволяют учащимся приблизиться к пониманию Достоевского — мыслителя, писателя, человека.

Анализ мотива двойничества, который пронизывает все творчество Ф.М. Достоевского, наглядно показывает, что человек — это тайна, и не всегда разгаданная.

Психологические двойники Раскольникова

Чтобы понять внутренний мир Раскольникова и его двойников, выйти на уровень большого диалога, можно использовать прием исследования текста «Художественная мозаика». Учащимся предлагается разрезанные кусочки портрета Раскольникова собрать воедино. На обратной стороне «осколка» записана цитата из романа. Учащимся предлагается прочитать цитату, назвать героя и провести параллель с Раскольниковым: (в чем между ними сходство или различие, какая грань Раскольникова отражается в указанном герое, каким образом перекрещиваются их мысли и убеждения). В конце собирается целый портрет героя и делается вывод: все идеи и теории, мысли и убеждения героев пересекаются, противопоставляются или сходятся в образе главного героя (см.: https://learningapps.org/watch?v=p9hzs9rut22).

Такая работа построена на сравнительно-сопоставительном анализе, позволяющем понять и героя, и его отношения с другими. Кроме того, такой прием яснее отражает суть полифонического романа: сознание и мысли одного героя отражаются в другом герое, подобно жизни, отражающейся в каждом из живущих.

Кроме того, Достоевский показывает необходимость каждого отражаться в каждом, желание быть связанным с людьми, жизнью, видеть себя в другом.

Полноценно отобразить эти связи можно с помощью приема «Геометрия притяжений». Учащиеся располагают имена героев романа по углам треугольника, объясняя свой выбор. Например, Раскольников и Свидригайлов на разных полюсах одной линии внизу, так как испытывают свои «разумные» теории, ищут справедливости и разумности, а Соня наверху, потому что выше их в духовном, нравственном отношении, она живет верой и сердцем. Также возможно и другое расположение: Раскольников наверху, а Соня и Свидригайлов внизу, так как оба представляют собой два полюса личности Раскольникова. Художественным открытием для учащихся будет и то, что автор изображает всех трех в момент признания Раскольникова Соне в одном пространстве. Свидригайлова отделяет от них лишь дверь. Он тоже участник этого откровенного диалога, так как слышит все и понимает. (В художественном открытии помогут вопросы проблемного характера: почему Достоевский делает Свидригайлова причастным к тайне Раскольникова? Что его сближает с ним, а что отдаляет?)

Не случайно также в романе Соня, Раскольников, Лужин, Лебезятников встречаются в стенах одного дома в день похорон Мармеладова. Дом — это модель мира. А у Достоевского комната часто становится заместителем площади. Площадь, в свою очередь, — это символ всенародности. Дом (комната/площадь) можно представить в виде четырехугольника, разделенного на части. В каждой части указать имя героя, указав рядом ключевые слова, соответствующие их убеждениям. Для использования исследовательского приема «Моделирование» листочки с четырехугольниками нужно раздать учащимся, чтобы они делали в них пометки, записывали ключевые слова (раздаются или записаны на доске), отмечали взаимосвязи. Слова и словосочетания в части четырехугольника (вера в Бога, самоотречение, кротость, «кровь по совести», рациональный ум, накопительство ради обладания, наглость, подлость, идея о равенстве, свободе, идея о всеобщей коммуне, злость и раздражительность от бессилия)

Мы рассмотрим этот эпизод в масштабе мира. Для этого мы продолжим работать над нашей моделью мира, дополняя ее, отме-

чая в ходе диалога взаимосвязи. (Учащиеся, отвечая на вопросы, отмечают в схеме стрелочками и знаками взаимосвязи.)

У Достоевского мало сцен, происходящих во внутреннем пространстве дома, комнат, далеких от своих границ. И комната Раскольникова, и комната Мармеладовых не отличаются просторностью. И герои Достоевского покидают комнату, потому что назрел кризис. Нужно найти истину, нужно доказать правду, определить границы справедливости.

Правд много, а истина одна

Все герои Достоевского ищут справедливость, доказывают свою правду. Но у каждого она своя. В задании «Найди соответствие» учащиеся к каждому герою подбирают сказанные им слова, в задании на сайте learningapps («Чья это правда») называют героя и рассуждают о его правде. (См: https://learningapps.org/watch?v=pzyjkwyht22).

Чья правда реалистична?

Чья правда гуманна?

После рассуждений о правдах, необходимо выйти на понимание истины, этому будет способствовать микротема или тема урока: Путь к правде (Путь к очищению/возрождению)

Путь к очищению

Для того чтобы показать непростой путь понимания истины, нужно доказать ошибочность теорий двойников Раскольникова. В этом поможет прием «Замкнутый круг» Смысл работы в том, чтобы, анализируя отношение Раскольникова к своим двойникам, к их теориям, а также изображая противоречивость этих идей, показать противоестественность и надуманность, а порой и их бесчеловечную сущность. Идеи, может, математически и верны, но не жизненны, потому что нет в них Веры, Любви, Милосердия. Отмечая каждый сектор круга штрихом, цветом или символом, сопоставимым с данным образом, учащиеся обнаруживают, что есть какая-то незавершенность в каждом секторе и приходят к пониманию того, что Раскольников отвергает свою же теорию, отрицая ее в своих двойниках

Посмотрите на круг. Охарактеризуйте его. Представьте, что все, что в круге, является частью вашей жизни, а может, отражает и всю жизнь. Нравится ли вам такая жизнь? Полная она, или чего-то не хватает в ней? Что бы вы добавили в круг (жизнь), чтобы он стал вам нравиться?

Что символизирует круг в плане поиска правд романа?

Каждая теория, по сути, это выдуманная формула закономерности, с трудом нанизанная на реальную жизнь. Повторяясь в мыслях каждого героя, она видоизменяется, ответвляется и расширяется, но основа ее остается неизменной, поэтому-то она не выходит за пределы обозначенного круга, а замыкается в героях. Замкнутый круг — воплощение обруча, который железной хваткой сжимает людей, вознамерившихся «поверить алгеброй гармонию». Круг замкнулся, потому что нет выхода из него, так как в нем одни теории, тогда как жизнь намного шире и непредсказуемее их. Круг еще и потому замкнут, что нет там места Любви, Прощению, Вере.

Неужели нет выхода из этого круга?

Отрицая двойников, Раскольников становится на путь самоочищения, и хотя до самого конца он не хочет отказаться от своей теории (она очень цепко держалась в его сознании), к нему постепенно приходит освобождение.

Кто способствует этому?

Соня Мармеладова разрывает этот круг своей кротостью, своей верой, своим добрым сердцем и искренним желанием разделить участь Раскольникова. В ее образе скрыт выход из замкнутого круга. То, что в круге, заключено в разуме, но разум еще не есть жизнь. Милосердие, всепрощение, вера, умение нести крест свой и разделять судьбу близкого человека и является настоящей живой силой, способной вывести из порочного круга.

«“Мы одно, заодно живем” — выговаривает она для Раскольникова истинный принцип человеческого бытия. И это “заодно” — уже не исходное невыделение личности из толпы и массы — а вольное возвращение личности, вполне развившейся и осознавшей себя, ко всем, ее желание принести все триумфальное чувство человека в его потенциальном величии, добытое личным страданием, всем» (Касаткина Т. Восемь вопросов о «Преступлении и наказании» // Фома. 2016. №12. URL: http://intelros.ru/readroom/foma/f12-2016/31648-vosem-voprosov-o-prestuplenii-i-nakazanii.html (дата обращения: 12.12.2022)).

Использование исследовательских приемов на уроке и во внеурочной деятельности способствует развитию аналитического мышления, умения находить логические взаимосвязи между объектами и субъектами, формированию навыков синтеза. Исследование текстов художественных произведений позволяет сделать урок или внеурочную работу по литературе интересной, продуктивной, выводит учащихся на новый уровень понимания произведения.

Список литературы

1. Апалькова, 2023 — *Апалькова Е.С.* Отражение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в романе Н.В. Нарокова «Мнимые величины»: сюжетно-идейные параллели // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С.161–171. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-161-171

2. Боборыкина, 2023 — *Боборыкина Т.А.* Слов божественная высь (О двух словах в переводах романа «Преступление и наказание») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 141–156. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156

3. Деханова, 2023 — *Деханова О.А.* Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 106–127. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127

4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

5. Криницын, 2023 — *Криницын А.Б.* Шиллеровские мотивы в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 128–160. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-128-160

6. Меерсон, 2023 — *Меерсон О.А.* Преподавание теории литературы через шок от непонятного в тексте. «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 157–174. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-157-174

7. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57–105. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

8. Подосокорский, 2023a — *Подосокорский Н.Н.* О XXV Международных чтениях «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» (Старая Русса, 19–21 апреля 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 315–327. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-315-327

References

1. Apal'kova, E.S. “Otrazhenie romana F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’ v romane N.V. Narokova ‘Mnimye velichiny’: siuzhetno-ideinye parallely” [“The Reflection of Dostoevsky’s *Crime and Punishment* in the Novel *Imaginary Magnitudes* by Nikolay Narokov: Narrative and Ideological Intersections”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (22), 2023, pp. 161–171. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-161-171

2. Boborykina, T.A. “Slov bozhestvennaia vys’ (O dvukh slovakh v perevodakh romana ‘Prestuplenie i nakazanie’)” [“The Divine Height of Words (On a Couple of Words in the English Translations of *Crime and Punishment*)”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (21), 2023, pp. 141–156. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-141-156

3. Dekhanova, O.A. “Piteinye zavedeniia v romane ‘Prestuplenie i nakazanie’. Khudozhestvennaia detal’ v pravovom pole piteinoi reformy 1861 goda” [“Drinking Establishments in the Nov-

el *Crime and Punishment*. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal’*, no. 2 (22), 2023, pp. 106–127. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Krinitsyn, A.B. “Shillerovskie motivy v ‘Prestuplenii i nakazanii’ F.M. Dostoevskogo” [“Schiller’s Motifs in *Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal’*, no. 2 (22), 2023, pp. 128–160. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-128-160

6. Meerson, O.A. “Prepodavanie teorii literatury cherez shok ot neponiatnogo v tekste. ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“The Teaching of Literary Theory through the Shock of Not Understanding the Text. *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal’*, no. 1 (21), 2023, pp. 157–174. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-157-174

7. Podosokorskii, N.N. “Napoleon-Solntse v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“Napoleon-Sun in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal’*, no. 2 (22), 2023, pp. 57–105. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

8. Podosokorskii, N.N. “O XXV Mezhdunarodnykh chteniiakh ‘Proizvedeniia F.M. Dostoevskogo v vospriiatii chitatelei XXI veka’ (Staraia Russa, 19–21 Aprelia 2023 goda)” [“About the 25th International Readings ‘Dostoevsky’s Works in the Perception of 21st-Century Readers’ (Staraya Russa, April 19-21, 2023)”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal’*, no. 2 (22), 2023, pp. 315–327. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-315-327

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023
Одобрена после рецензирования: 21.05.2023
Принята к публикации: 25.05.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 10 May 2023
Approved after reviewing: 21 May 2023
Accepted for publication: 25 May 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023